

ИЗ ИСТОРИИ ПОЗДНЕЙ РУССКОЙ АГИОГРАФИИ: ЖИТИЕ ФЕОФАНА СОЛОВЕЦКОГО

Памятники русской агиографии XVIII—XIX вв. в большинстве своем пока не становились предметом специального исследования филологов. Между тем среди них есть немало текстов, представляющих значительный интерес не только для историков Церкви или богословов, но и для медиевистов. В ряду этих сочинений, в Новое время продолжающих традиции средневековой книжности, особо выделяются жизнеописания пустынножителей. Назову в качестве примера цикл повестей о брянских пустынножителях, в XIX столетии подвизавшихся в Ровеславльских лесах (строитель Белобережской пустыни схимонах Симеон, старец Никита, иеромонах Ипполит и др.),¹ жизнеописания сибирских подвижников старца Василиска и Зосимы Верховского, Петра Мичурина и др.² Предметом настоящей статьи является Житие соловецкого пустынножителя Феофана, в конце XVIII — начале XIX в. долгие годы подвизавшегося в Поморье и на Анзерском острове.

Памятник до недавнего времени почти не привлекал к себе внимания исследователей³ и научно не издавался: опубликовано лишь несколько его по-

¹ Подборку жизнеописаний этих пустынных старцев содержит, например, сборник-конволют: РНБ, собр. П. Н. Тиханова, № 214, XIX в., 149 л.

² См.: Жизнь и подвиги Петра Алексеевича Мичурина в пустынях Сибири // Маяк. 1845. Т. 24, кн. 48. С. 93—105; Житие монаха и пустынножителя Василиска (писанное учеником его Зосимом Верховским) // Там же. С. 106—167; Старец Зосима Верховский: Житие и подвиги. М., 1994; Житие блаженного старца Василиска, писанное его учеником Зосимом Верховским. М., 1998; *Преподобный старец Зосима Верховский*. Творения. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2006; и др.

³ Краткие упоминания о нем см. в работах: *Голоскова Н. А.* Повести о пустынножителях Соловецкого острова // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1989. С. 173—185; *Севастьянова С. К.* Житие Иисуса Голгофского — малоизвестный памятник соловецкой агиографии первой половины XIX века // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Филология. 1998. № 4. С. 22—28; *Петренко Н. А.* Соловецкий патерик и Повести о соловецких пустынножителях // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 491—506. Недавно О. В. Панченко впервые привлек этот памятник к исследованию — в связи с изучением цикла Повестей о соловецких пустынножителях; см.: *Панченко О. В.* Повести о соловецких пустынножителях: (К истории создания цикла) // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 554—613. Кроме того, Житие Феофана, среди прочего, использовалось мной в работе о топике житий пустынножителей: *Руди Т. Р.* Пустынножители Древней Руси (из истории агиографической топике) // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. Т. 2 / Отв. ред. Т. Р. Руди и С. А. Семячко. СПб., 2011. С. 517—530. Пока настоящая статья находилась в печати, появились три новые публикации, посвященные Житию Феофана Соловецкого: *Руди Т. Р.* Житие Феофана Соловецкого // Соловецкое море: Ист.-лит. альм. М.; Архангельск, 2015. Вып. 14. С. 68—82 (с публикацией текста Краткой

пулярных переложений.⁴ Между тем текст этот, вне всякого сомнения, представляет значительный интерес — как для истории Соловков, так и для истории русской агиографии. Памятник, именующийся в рукописях Житием или Повестью, представляет собой удивительный по силе документ и уникальный по материалам источник по истории позднего пустынножительства, при этом композиционно и стилистически продолжает традиции житийного жанра. Церковнославянский язык этого сочинения, а также его поэтика позволяют говорить о нем как о ярком свидетельстве продолжения живой средневековой агиографической традиции «после Древней Руси», что производит особенно сильное впечатление, если учесть, что его герой был старшим современником А. С. Пушкина: старец Феофан преставился 26 июня 1819 г.

Источником биографических сведений о Феофане Соловецком до недавнего времени оставалось лишь жизнеописание подвижника. По его свидетельству, родился будущий соловецкий пустынножитель в Малороссии в крестьянской семье (ни год рождения, ни мирское имя Феофана в Житии не названы). В 12 лет он осиротел и стал воспитывать малолетних брата и сестру, в 16 лет ушел из дому в Киево-Печерскую лавру, где провел в разных послушаниях 17 лет, в том числе служа известному затворнику Досифею Китаевскому. По благословию этого старца Феофан совершил поездку в Молдавию к Паисию Величковскому, а впоследствии ушел в Соловецкий монастырь,⁵ где в течение нескольких лет проходил различные послушания: служил просфорником и пономарем в церкви преп. Зосимы и Савватия, посылался на салотопный завод в Реболду и на монастырское подворье в Суму — «назирать оное», был закупным в Архангельске и даже по указу архимандрита Герасима был поставлен экономом монастыря.⁶ Между тем Феофан испытывал постоянную духовную тягу

редакции памятника); *Монахиня Никона (Осипенко)*. Житие пустытника Феофана как свидетельство о практике «умного делания» в Соловецком монастыре в начале XIX века // Там же. С. 83—93; *Руди Т. Р.* Житие пустынножителя Феофана Соловецкого: вопросы литературной истории // Соловки в литературе и фольклоре (XV—XXI вв.): Материалы конф. (Соловецкий музей-заповедник, 15—21 сентября 2014 г.). Архангельск; Соловки, 2015. С. 140—145.

⁴ См.: Соловецкий патерик. СПб., 1873. С. 137—154 (переизд.: М., 1895; М., 1906; СПб., 1914; М., 1991 и др.); *Никодим (Кононов), архим.* 1) Соловецкие подвижники благочестия XVIII—XIX вв.: Очерки. СПб., 1900. С. 23—28; 2) Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв.: Июль. М., 1908. С. 474—481 (переизд.: Козельск: Оптина пустынь, 1994). См. также упоминания о Феофане Соловецком в общих работах по истории русского монашества и пустынножительства: *Смолич И. К.* Русское монашество, 988—1917: Жизнь и учение старцев. [Прил. к «Истории Русской Церкви»]. М., 1999. С. 362—363, 553 (отмечу, что указание И. К. Смолича на работу А. И. Яцимирского, якобы содержащую сведения о Феофане Соловецком, является ошибочным: среди учеников Паисия Величковского исследователь упоминает другого монаха Феофана — в миру казака Феодора Тулунина, скончавшегося, как и соловецкий подвижник, в 1819 г.; см.: *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905. С. 546); Тогда на Анзерском острове: Сб. материалов по истории соловецкого отшельничества / Сост. С. В. Морозов. М., 2000. С. 68, 75—83; *Лаушкин А. В.* Преподобный Савватий и пятисотлетняя традиция соловецкого отшельничества // Соловецкое море: Ист.-лит. альм. Архангельск; М., 2009. Вып. 8. С. 67—77; и др.

⁵ Отмечу, что год прихода Феофана на Соловки зафиксирован лишь в одном из известных мне списков его Жития — самом раннем из сохранившихся: «...и поидѣ въ Соловецкий монастырь, и приять бѣ архимандритом Иеронимом въ 1780 году, и проходаше послушания» (Государственный архив Архангельской области, Инв. 70 р. ц. (592), л. 54).

⁶ О новонайденных документах, отражающих хозяйственную деятельность монаха Феофана, см.: *Осипенко М. В.* Соловецкая обитель: история и святыни: Книга паломника / Изд. Соловецкого монастыря. Соловки, 2014. С. 175—176.

к пустынножительству, о чем вел частые беседы со своим учеником Климентом. Следствием этого духовного общения стал тайный уход в пустыню обоих — сначала ученика, а затем и учителя. Местом отшельнического подвига Феофана была сначала пещера близ Ягодного озера, расположенного в десяти верстах от монастыря, а затем Поморье, где подвижник провел в уединении 23 года.

Последние годы своего пустынножительства (с 1817 г.) Феофан провел на Анзерском острове, где ему явился Иисус Голгофский, предрекший больному старцу скорую кончину. Весной 1819 г. изнемогший от недуга подвижник был возвращен в Соловецкий монастырь, где и преставился 26 июня того же года — эта дата читается во всех дошедших до нас списках Жития.

Не могу не отметить в этой связи, что допущенная в 1873 г. при издании Соловецкого патерика опечатка (вместо 26 июня там читается 26 июля)⁷ стала причиной того, что во многих справочных пособиях день смерти (а следовательно, и памяти) Феофана Соловецкого до настоящего времени указывается неверно. Между тем дата преставления старца может быть документально подтверждена: благодаря недавним разысканиям О. Г. Волкова стало известно, что один из учеников Феофана, соловецкий иеродиакон Антоний, следуя духовному наставлению своего учителя, вскоре после его смерти тайно покинул монастырь и ушел в пустыню.⁸ Сохранившаяся в монастырских документах дата этого побега — 13 июля 1819 г.⁹ — является неоспоримым доказательством того, что днем преставления Феофана Соловецкого следует считать 26 июня.

Год рождения Феофана — 1739 — традиционно вычислялся, исходя из даты смерти и возраста, в котором старец отошел ко Господу. Следует отметить при этом, что две бытовавшие в рукописях редакции памятника называют разное количество прожитых Феофаном лет — семьдесят пять или восемьдесят,¹⁰ поэтому такие подсчеты не могли дать в полной мере достоверного результата, из-за чего некоторые исследователи считали вероятной другую дату рождения соловецкого пустытника — 1744 г.¹¹ Окончательная ясность в этот вопрос была внесена совсем недавно: в 2014 г. А. В. Богдановой удалось обнаружить в фондах РГАДА исповедальные списки соловецких насельников, содержащие указание на возраст исповедовавшихся. Благодаря этой находке стал известен не

⁷ «Феофан расстался с жизнью и предал дух свой Богу 1819 года июля 26-го дня...» (Соловецкий патерик. С. 154).

⁸ Указанные сведения были введены в научный оборот в докладе О. Г. Волкова «Иеромонах Антоний, ученик преп. Феофана Соловецкого, и традиция пустынножительства на Соловках в XIX в.», прочитанном на международной конференции «Актуальные проблемы изучения славяно-русской агиографии» (Четвертые Лихачевские чтения; Санкт-Петербург, ИРЛИ, 28 ноября — 2 декабря 2011 г.).

⁹ РГИА, ф. 796, оп. 100 (1819 г.), д. 768, л. 6. (подробнее об этом см. в примеч. 63 настоящей статьи).

¹⁰ В одном из списков памятника: ГИМ, собр. Н. П. Вострякова, № 95 — сказано даже, что старец преставился «от рождения на 85 году» (л. 66), однако это чтение, безусловно, следует признать ошибочным. Отмечу также, что в издании И. К. Смолича, со ссылкой на рукописную повесть, сообщается, что Феофан Соловецкий преставился в возрасте 120 лет (?); см.: *Смолич И. К.* Русское монашество, 988—1917: Жизнь и учение старцев. С. 363.

¹¹ См., например: *Осипенко М. В.* Соловецкая обитель: история и святыни: Книга паломника. С. 172.

только документально подтвержденный год рождения Феофана — 1739-й, но и его фамилия — Пантелеймонов (по другим актам — Пантелеев).¹²

Дальнейшие разыскания позволили нам обнаружить и некоторые новые сведения о старце Феофане. Важнейшее из них — мирское имя подвижника. В ведомостях Соловецкого монастыря за 1781—1782 гг. среди ожидающих пострига послушников несколько раз упомянут *трудник Фома Пантелеймонов*.¹³ О том, что имеется в виду будущий пустынножитель Феофан, свидетельствует не только совпадение фамилии (отмечу, что в реестрах и ведомостях Соловецкого монастыря за 1780—1790-е гг. упоминается лишь один монах с именем Феофан — Феофан Пантелеймонов), но и те сведения, которые сообщаются о труднике Фоме в обнаруженных документах: они хронологически и содержательно полностью совпадают с данными Жития Феофана Соловецкого.

Так, в «Делах о выдаче ставропигиального Соловецкого монастыря и приписного Анзерского скита настоятелю и братии и штатнымъ служителямъ, а при томъ и самопроизвольнымъ трудникамъ штатного жалованья, милостинных денег и собственного отъ святѣй обители награждения» (1781 г.) в разделе «Сверхъ награждения выдано по особливому ордеру» читаем: «Бывшему въ прошломъ 1780-м году на Реболуцком салнемъ промыслу повѣренному, а нынѣ находящемуся в соборной церкви пономарем труднику Фомѣ Пантелеймонову — 3 ру(бля)» (на боковом поле проставлена помета «отданы»).¹⁴ А в деле под заглавием «Реестръ сколко кому духовнымъ штатного половинного жалованья и протчихъ награждений на счет 1782 года произвестъ» в разделе «Награждение находящимся въ надежду пострижения въ монашество» упомянут «просфиряк Фома Пантелеймонов», против имени которого читается запись: «В прошлом году дано 3 рубля точию за бытие в Реболдѣ въ <1>780-м году, а прошлогодной выдачи не значится».¹⁵

Таким образом, новонайденные документы не только подтверждают сведения Жития о приходе Феофана в Соловецкий монастырь в 1780 г. и его послушаниях в первые годы пребывания в обители (поверенный на салотопном заводе в Реболде, пономарь и просфорник), но и позволяют полностью восстановить мирское имя подвижника — Фома Пантелеймонов.

Отмечу, что второй вариант фамилии Феофана, встречающийся в актах Соловецкого монастыря, — Пантелеев («Пентелевъ») — с большой долей вероятности может быть признан неверным. Он читается в одном из самых ранних документов, зафиксировавших пребывание Фомы-Феофана на Соловках, который был составлен, когда фамилия нового послушника была еще, по-видимому, не слишком хорошо известна: в ведомости иеромонаха Клеопы, включающей в себя имена исповедовавшихся и причащавшихся в Филиппов пост

¹² Впервые эти данные были введены в научный оборот в докладе М. В. Осипенко, прозвучавшем на конференции «Соловки в литературе и фольклоре (XV—XXI вв.)» (Соловецкий музей-заповедник, 15—21 сентября 2014 г.). Благодарю Марину Васильевну за любезно предоставленные мне шифры документов РГАДА, содержащих эти сведения.

¹³ См.: РГАДА, ф. 1201, оп. 5, ед. хр. 5233, л. 7; ф. 1201, оп. 5, ед. хр. 5255, л. 5 об.; и др.

¹⁴ РГАДА, ф. 1201, оп. 5, ед. хр. 5233, л. 7.

¹⁵ Там же, оп. 5, ед. хр. 5255, л. 5 об.

1780 г. и Великий пост 1781 г., среди монастырских трудников под номером 83 упомянут «полякъ Фома Пентелевъ».¹⁶

Наименование *поляк*, как можно полагать, отсылает не к национальной принадлежности насельника, а к месту его рождения и / или жительства (или, возможно, к тем землям, откуда он пришел в обитель): в ведомости числятся, например, «олончанин Миронъ Кузнецовъ», «малороссиянин Иванъ Черкасовъ», «полякъ Степанъ Григорьевъ» и др.¹⁷ Если исключить вероятность того, что наименование *поляк* в записи о «Фоме Пентелеве» могло появиться в результате писцовой ошибки, можно предположить, что старец Феофан либо родился и провел юность в той части Малороссии, которая до раздела Польши 1770—1790-х гг. находилась в границах тогдашней Речи Посполитой, либо — что менее вероятно — что его путь из Нямецкого монастыря на Соловки шел через эти земли (одно, впрочем, не исключает другого).

* * *

Самые яркие страницы Жития посвящены рассказу о пустынных тяготах соловецких отшельников — с подробным описанием устройства их быта (пищи из белого мха, тертого с брусникой, посуды из бересты и т. д.), порядка молитвенного делания, а также сцен бесовских «страхований». Причем досаждающие Феофану бесы являются ему не только в облике зверей, гадов или воронов, как это чаще всего случается в агиографической традиции, но и «во образъ знаемых поморовъ», хотящих утопить его в море, «аки рыболовцы», грозящие ему смертью, и даже «во образъ Кемскаго протопопа» и «в видѣ штатныхъ служителей», которые якобы по приказу архимандрита вынуждают его покинуть пустыню и вернуться в монастырь.

Эти образы, как можно думать, могли иметь и конкретно-историческое происхождение, поскольку само Житие представляет собой яркий документ, свидетельствующий об обысках и гонениях на пустынников, которым те подвергались в XVIII—XIX вв. как со стороны государства, так и со стороны монастырских властей. Раздел «О монастырях» изданного в 1722 г. «Прибавления к Духовному Регламенту» содержал запрет на строительство «скитов пустынных».¹⁸ Это не могло не сказаться на положении любителей пустынного безмолвия, которых принудительно возвращали в покинутые ими без игуменского благословения монастыри. По новому официальному положению «монахов, сбежавших и возвращенных, надлежало “держать по смерть во оковах в трудах монастырских”».¹⁹

Житие Феофана Соловецкого включает в себя и другие исторические свидетельства — в частности, подробные сведения об устройстве жизни в Нямецком монастыре, который Феофан посетил при жизни молдавского старца. Нельзя не назвать и вставную биографическую повесть о затворнике Досифее

¹⁶ Там же, ф. 1201, оп. 5, ед. хр. 5250, л. 6.

¹⁷ Там же, л. 6—6 об.

¹⁸ См.: *Верховской П. В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Ростов н/Д., 1916. Т. 2: Материалы. С. 28—29.

¹⁹ *Лисовой Н. Н.* Восемнадцатый век в истории русского монашества // Монашество и монастыри в России, XI—XX века: Исторические очерки / Отв. ред. Н. В. Сеницына. М., 2005. С. 206.

Китаевском — уже упоминавшемся учителе Феофана, который известен еще и тем, что благословил на монашеский путь Серафима Саровского.²⁰

Насколько можно судить, именно Житие Феофана Соловецкого является первым по времени источником, зафиксировавшим легенду о том, что прозорливый киевский затворник был женщиной, подвизавшейся «в мужеском образе». Не касаясь здесь вопроса о достоверности этой легенды,²¹ могу лишь констатировать, что списки Жития, содержащие историю старца Досифея (в миру девицы Дарьи Тяпкиной), по датировке на два десятилетия опережают издание Жизнеописания Серафима Саровского 1844 г., составленное бывшим гостинником Саровской пустыни Гурием,²² в котором эти сведения, в очень краткой форме, были впервые опубликованы.²³ Кроме того, некоторые списки Жития Феофана содержат запись об источнике этих сведений: «Повѣда сию Повѣсть о затворникѣ Досифеи племянница его, благороднѣйшая монахиня Дариа Ильинична, госпожа Долгова, живущая въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. 1824 года».²⁴

* * *

Обратимся теперь к литературной истории памятника.

В настоящее время мне известно 13 списков Жития, датирующихся 20—50-ми гг. XIX в.²⁵

1. Государственный архив Архангельской области, Инв. 70 р. ц. (592), л. 53—62 об. Сборник, 4^о, 20-е гг. XIX в. (далее — Арх. 70).

²⁰ См.: Сказания о жизни и подвигах старца Серафима, иеромонаха Саровской обители и затворника, извлеченные из записок ученика его // Маяк: Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской. СПб., 1844 (отд. изд.: СПб., 1845). С. 62, сноска.

²¹ В настоящее время частью исследователей эти сведения признаются легендарными. См.: *Крайняя О. А.* 1) Свято-Троицкий Китаевский монастырь. Киев, 2004. С. 86—92; 2) К биографии преподобного Досифея Китаевского (Киевского) // Вестник церковной истории. 2007. № 2. С. 235—250; 3) Досифей Китаевский (Киевский) // ПЭ. М., 2007. Т. 16. С. 79—81. Еще раз отмечу, что в задачи моего исследования не входит анализ достоверности легенды о затворнике Досифее — мне важно лишь обратить внимание на присутствие подробных биографических сведений о нем в Житии Феофана Соловецкого.

²² Гостинник Саровской пустыни Гурий — впоследствии игумен Николо-Борковской пустыни Георгий. См. о нем: Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., [1913] [Репринт. изд.: М., 1992]. Т. 1. Стб. 632.

²³ Приведу здесь этот фрагмент полностью: «Сказывают, что сей блаженный затворник Досифей был в образе мужеском девица, именем Дария, дочь благородных родителей; она трудилась в затворе тридцать лет; а всего в иноческом житии провела 43 года и скончалась 1778 года, на 55 году от рождения» (Сказания о жизни и подвигах старца Серафима, иеромонаха Саровской обители и затворника, извлеченные из записок ученика его. С. 62). См. об этом подробнее: *Руди Т. Р.* Ранние жития Серафима Саровского: вопросы литературной истории // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 431—432. Краткое жизнеописание старца Досифея в составе Жития Феофана Соловецкого впервые было опубликовано в издании Соловецкого патерика 1873 г.; см.: Соловецкий патерик. С. 140—141.

²⁴ Цит. по ркп.: БАН, собр. Археографической комиссии, № 222, л. 42 об. В некоторых списках читается несколько иной вариант этой записи: «Повѣда же сию Повѣсть о затворнике Досифеи племянница его, благороднѣйшая монахиня Дариа Ильи(ни)чна, *госпоже Долговой, живущей* въ московском Новодѣвичьемъ монастыре. 1824-го года» (БАН, Архангельское собр., Сол., № 8, л. 75). Здесь и далее курсив мой. — *Т. Р.*

²⁵ За помощь в разыскании списков приношу сердечную благодарность О. В. Панченко и Е. М. Юхименко. К 13 сохранившимся спискам Жития следует добавить упоминающийся в научной литературе список Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки, который сегодня считается утраченным (см. о нем: *Амфилохий, архим.* Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1875. С. 174; *Барсуков Н. П.* Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 611).

2. БАН, Архангельское собр., Сол., № 8, л. 68—102. Сборник-конволют, 4°, 20-е гг. XIX в. (далее — Сол. 8).²⁶
3. БАН, собр. Археографической комиссии, № 222, л. 34—82 библиотечной пагинации. Сборник, 4°, 1829 г. (далее — Арх. 222).
4. ГИМ, собр. Симонова монастыря, № 70, л. 39—97. Сборник, 4°, 1829—1832 гг. (далее — Сим. 70).²⁷
5. ГИМ, собр. Н. П. Вострякова, № 95. Отдельный список, 4°, 30-е гг. XIX в. (далее — Востр. 95).
6. ГИМ, собр. Н. П. Вострякова, № 1109-4°, л. 35—97 об. Сборник, 4°, 1837 г. (далее — Востр. 1109).
7. ГИМ, собр. Симонова монастыря, № 47, л. 25 об.—80 (текст Жития в списке не окончен, обрывается на середине фразы). Сборник, 4°, кон. 30-х гг. XIX в. (далее — Сим. 47).²⁸
8. ГИМ, Епархиальное собр., № 876-4°, с. 50—129.²⁹ Сборник, 4°, кон. 30-х — нач. 40-х гг. XIX в. (далее — Епарх. 876).
9. РГБ, ф. 214 (собр. Оптиной пустыни), № 224, л. 22—76. Сборник-конволют, 4°, кон. 30-х — нач. 40-х гг. XIX в. (далее — Опт. 224).
10. ИРЛИ, Дрвнлехранилище им. В. И. Малышева, Вологодское собр., № 18. Отдельный список (без нач.),³⁰ 8°, 40-е гг. XIX в. (бумага тряпичная, без верже, водяных знаков и штампов),³¹ (далее — Волог. 18).³²
11. ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 840. Отдельный список, 4°, 1841 г. (далее — Барс. 840).
12. РГБ, ф. 304. II (собр. Троице-Сергиевой лавры, Дополнительная библиотека), № 240, л. 415—430 об. Сборник жизнеописаний (составной), 2°, XIX в. (бумага в части сборника, содержащей Житие Феофана, датируется 40-ми гг. XIX в.) (далее — ТСЛ 240).
13. РГБ, ф. 122 (Великоустюжское собр.),³³ № 38. Отдельный список, 4°, бумага без водяных знаков и штампов, предположительно датируется 40—50-ми гг. XIX в. (далее — Вел. 38).³⁴

²⁶ Рукопись кратко упомянута в работах: *Голоскова Н. А.* Повести о пустынножителях Соловецкого острова. С. 174, 177; *Севастьянова С. К.* Житие Иисуса Голгофского — малоизвестный памятник соловецкой агиографии первой половины XIX века.

²⁷ См. описание рукописи: *Попов Н.* Рукописи Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. М., 1910. Вып. 2: Симоновское собрание. С. 183—184; *Крушельницкая Е. В.* Автобиография и житие в древнерусской литературе: Жития Филиппа Ирапского, Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого, Сказание Елеазара об Анзерском ските: Исследование и тексты. СПб., 1996. С. 353—354.

²⁸ См. описание рукописи: *Попов Н.* Рукописи Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Вып. 2. С. 64—66.

²⁹ В рукописи имеет место писцовая буквенная постраничная пагинация; библиотечная фоллиация отсутствует.

³⁰ Текст этого дефектного списка начинается словами: «...называя по имени, егоже никогдаже вѣдаше, и любезно упокои» (Волог. 18, л. 1).

³¹ Благодарю за консультацию по датировке этой рукописи В. П. Бударagina.

³² Эта рукопись в 1973 г. была привезена из археографической экспедиции М. Д. Каган-Тарковской и Н. В. Поньрко (получена от Марии Дмитриевны Зваровой, жительницы деревни Запрудной Грязовецкого района Вологодской области). См. об этом: *Каган-Тарковская М. Д., Поньрко Н. В.* Поиски рукописей в Вологодской области // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 361—362.

³³ Вариант названия собрания: собр. Великоустюжского районного краеведческого музея.

³⁴ Список упомянут в статье: *Монахия Никона (Осипенко).* Житие пустытника Феофана как свидетельство о практике «умного делания» в Соловецком монастыре в начале XIX века. С. 88—89.

Проведенный анализ обнаруженных списков показал, что они разделяются на две редакции, различающиеся в первую очередь объемом и наличием вставных текстов. Так, более поздняя по времени создания — Пространная — редакция в два с лишним раза превосходит по объему первоначальную — Краткую. Текст ее не только носит следы довольно значительной стилистической редактур, но и включает в себя многие дополнительные сюжеты, а также тексты проповедей старца Феофана и два самостоятельных вставных сочинения: уже упоминавшуюся «Повесть о затворнике Досифее» и так называемое «Возражение ученика Феофана на раскольников» — довольно резкое по тону антистаробрядческое сочинение, идущее вразрез с основной тональностью памятника.

Нельзя не отметить в связи с этим, что сам Феофан, по свидетельству его Жития, был гораздо более лоялен к защитникам старой веры: живя в Поморье, он не раз вел беседы с приходившими к нему староверами, при этом «двоперстнымъ сложеніемъ не възбранял креститися, точию бы въ церковь ходили».³⁵ Любопытно также, что когда самого Феофана, обессиленного от пустынных тягот, потерявшего «от вредящих травъ» все зубы, обгоревшего в пожаре, с перебитым хребтом, в конце жизни вернули в монастырь и поместили в чулане при хлебне, невзлюбивший его келарь Сергей «нача злословити старца больнаго, нарицая его лицѣмера, пустосвята и раскольника».³⁶

Краткая редакция Жития известна сегодня в семи списках: Арх. 70, Сол. 8, Востр. 95, Волог. 18, Барс. 840, ТСЛ 240 и Вел. 38. Текст ее довольно подвижен: ни один из списков не повторяет в полной мере другие (при этом язык некоторых из списков, например Востр. 95 или ТСЛ 240, значительно отличается от языка остальных, так что можно говорить скорее о переложении или пересказе, чем о строгом воспроизведении текста памятника). Вместе с тем внутри Краткой редакции можно определенно выделить два варианта, различающихся по составу. Более поздний из них отражает начальный этап формирования Пространной редакции памятника: в него уже включена Повесть о затворнике Досифее, однако еще отсутствует «Возражение ученика».³⁷ Примечательно, что второй вариант Краткой редакции Жития Феофана, который является своего рода мостом между двумя редакциями памятника, читается в сборнике-конволюте Сол. 8, в состав которого входит также цикл Повестей о соловецких пустынножителях первоначальной редакции.³⁸ Житие Феофана расположено здесь еще вне состава цикла (оно войдет в него позднее), будучи отделено от него другими текстами (л. 102—163 об.), при этом названию памятника в рукописи предпослан заголовок «Патерикъ Соловецкой» (л. 68).

³⁵ Арх. 222, л. 66.

³⁶ Там же, л. 49 об.

³⁷ Так, в Сол. 8 жизнеописание затворника Досифея выделено в отдельную главку: «Повѣсть о пустынникѣ Досифеи и затворникѣ» (л. 72—75). Отмечу, что в списке Востр. 95, в котором весь текст Жития разделен на рубрики, повествование о Досифее также выделено в отдельную главку («О схимонахѣ Досифеи»; л. 10—14 об.), однако здесь оно значительно короче читающегося в Сол. 8 и не содержит истории побега Дарьи Тяпкиной из родительского дома. Сходная ситуация наблюдается и в Великоустюжском списке, причём здесь в заглавии главки неверно воспроизведено имя наставника Феофана: «О затворнике Дорифеи Киевскомъ въкратцѣ» (Вел. 38, л. 6—7).

³⁸ См.: Панченко О. В. Повести о соловецких пустынножителях: (К истории создания цикла). С. 562—566.

Отмечу, что в некоторых рукописях Повесть о затворнике Досифее соседствует с Житием Феофана Краткой редакции, однако еще не включена в его состав, что, по всей видимости, отражает определенный этап литературной истории памятника. Так, в Барс. 840 после завершения Жития Феофана следует глава «*Прибавление о жизни затворника Киевскаго Досифея*» (с. 29—32), а в ТСЛ 240 непосредственно после Жития соловецкого пустынножителя (л. 415—428 об.) помещена «Чудная повесть о затворникѣ Досифеѣ» (л. 429—430); при этом в тексте Жития, во фрагменте, посвященном китаевскому затворнику, читается следующий пассаж: «А поелику воспоминаемо было здесь о затворникѣ старцѣ прозорливомѣ Досифеѣ, то сказана будетъ чудная и истинная въкратцѣ повѣсть жития его, *особенно написаннаго при концѣ книги сея!* А тѣперь будемъ продолжать повесть о ученикѣ его Феофанѣ» (л. 418).

Пространная редакция Жития сохранилась в шести списках: Арх. 222, Сим. 70, Востр. 1109, Епарх. 876, Сим. 47, Опт. 224.³⁹ Текст ее более стабилен, чем текст Краткой редакции. Отличительной чертой Пространной редакции является ее конвой: во всех известных случаях ее списки входят в состав цикла Повестей о соловецких пустынножителях. По наблюдениям О. В. Панченко, именно включение Жития Феофана (здесь оно именуется Повестью) явилось завершающим этапом формирования этого цикла, в результате чего была создана его последняя, третья редакция.⁴⁰ При этом Пространная редакция Жития Феофана, в свою очередь, включила в себя некоторые сюжеты о соловецких пустынножителях из других повестей цикла.

Интересно отметить, что один из списков Пространной редакции, читающийся в сборнике-конволюте Опт. 224, переписан Порфирием Григоровым — оптинским монахом, который известен тем, что знакомил с пустыней Н. В. Гоголя во время его приезда в обитель.⁴¹ Немаловажно отметить, что Порфирий Григоров был одним из первых издателей Оптиной пустыни: в 1839 г. им были опубликованы письма Георгия Машурина — затворника Задонского, келейником которого он был.⁴² Среди других известных изданий Порфирия Григорова жизнеописания сибирских отшельников старца Василиска и Петра Мичурина.⁴³

³⁹ К перечисленным следует добавить утраченный список, также, судя по описанию содержавшего его сборника, принадлежавший к этому виду текста. См.: *Амфилохий, архим.* Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. С. 174.

⁴⁰ См.: *Панченко О. В.* Повести о соловецких пустынножителях (К истории создания цикла). С. 569—574 (на с. 573 дано описание пяти из шести названных сборников Повестей о соловецких пустынножителях, включающих в себя и «Повесть о пустынножителе Феофане»).

⁴¹ В соответствии с библиотечным описанием, вложенным в рукопись, л. 22—112 об. сборника содержат автограф Порфирия Григорова. О Порфирии (в миру Петре Александровиче) Григорове (1803—1851) см.: *Леонтьев-Щеглов И. Н.* Подвижник слова. СПб., 1909 (глава «Гоголь в Оптиной пустыни (из дорожных заметок)»).

⁴² Письма в Бозе почившего затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия. М., 1839.

⁴³ Жизнь и подвиги Петра Алексеевича Мичурина, в пустынях Сибири // Маяк. 1845. Т. 24, кн. 48. С. 93—105; Житие монаха и пустынножителя Василиска (писанное учеником его Зосимою Верховским) // Там же. С. 106—167. См. также отдельное изд.: Записки о жизни и подвигах Петра Алексеевича Мичурина, монаха и пустынножителя Василиска, и некоторые черты из жизни юродивого монаха Ионы / Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1849. В книге издатель обозначен инициалами М. П. Г., что означает «Монах Порфирий Григоров». См.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 280; М., 1958. Т. 3. С. 373.

Таким образом, можно заключить, что тема пустынножительства особо интересовала оптинского издателя, а потому нельзя исключать того, что сделанный им собственноручно список цикла Повестей о соловецких пустынножителях мог предназначаться для предполагавшейся публикации.

Текст Краткой редакции Жития Феофана, в отличие от Пространной, сохранился либо в составе сборников смешанного содержания, либо в отдельных списках. Примечательно, что в самом раннем из известных сегодня списков памятника, хранящемся в Государственном архиве Архангельской области (Арх. 70), а также в большинстве других списков Краткой редакции заглавие имеет традиционную агиографическую форму: «Житие и подвизи блаженнаго Феофана Соловецкаго». ⁴⁴ Таким образом, можно полагать, что памятник изначально создавался как *Житие почитаемого подвижника*, а в Повесть был переименован позднее — возможно, в целях унификации, при включении его в цикл Повестей о соловецких пустынножителях. Примечательно, что в Сол. 8, в котором содержится промежуточный вариант текста Жития и зафиксировано начало формирования цикла Повестей о соловецких пустынножителях, памятник, как и в Пространной редакции, назван не Житием, а Повестью. ⁴⁵

О почитании Феофана Соловецкого в XIX веке свидетельствует и запись двух посмертных чудес, читающихся в Барсовском списке памятника. Если в Волог. 18 текст Жития Феофана оканчивается небольшим пассажем об исцелениях на могиле старца бесноватых — без упоминания отдельных лиц («На гробъ же его бѣснующиися исцѣление получаютъ, привлѣкаемии нуждѣю, кричаще: “Жжетъ, жжетъ Феофанъ! О, Феофанъ, сожегль еси насъ!” И тако здравы отхождаху, благодаряще Бога»), ⁴⁶ то в Барс. 840 после этого фрагмента следуют записи двух конкретных датированных чудес: об исцелении на гробе Феофановом «бесной жены» (1838 г.) и о «двух малолетних в Корелах», получивших здравие за веру, которую они имели к старцу (1841 г.). ⁴⁷

⁴⁴ Цит. по ркп.: Арх. 70 (л. 53); ср. в Барс. 840: «Житие и подвиги блаженнаго Феофана, пустынножителя Соловецкаго» (с. 1); Востр. 95: «Житие монаха Феофана» (л. 1); в Волог. 18 заглавие утрачено. В самом позднем из списков Краткой редакции, ТСЛ 240, памятник назван Жизнеописанием («Жизнеописание пустынножителя монаха Феофана Соловецкия обители»; л. 415) — возможно, из-за того, что включен в Сборник жизнеописаний подвижников XVIII—XIX столетий.

⁴⁵ «Повесть о пустынножителе монахѣ Феофанѣ» (Сол. 8, л. 68). Расширенный вариант этого заглавия читается и в Великоустюжском списке: «Повѣсть о пустынножителѣ монахѣ Феофанѣ Соловецкомѣ» (Вел. 38, л. 2).

⁴⁶ Волог. 18, л. 21 об.

⁴⁷ Барс. 840, с. 28—29. О чудотворениях на гробе Феофана упоминается также в сочинении по соловецкой агиологии «Вѣрное и краткое изчислѣние сколь можно было собрать преподобныхъ отецъ соловецкихъ, въ постѣ и добродѣльныхъ подвигахъ просиявшихъ, которыя извѣстны по описаниямъ», составленном, по мнению О. В. Панченко, в середине 1820-х гг. (см.: Панченко О. В. Повести о соловецкихъ пустынножителях: (К истории создания цикла). С. 566, примеч. 12): здесь в перечне соловецкихъ подвижников под № 39 читается запись о старце Феофане: «Феофанъ, инокъ преподобный, иже много лѣтъ поживъ в пустынѣ, скончася во обители Соловецкой 1819 года и погребенъ близъ Гермоновой (так!) часовни, *благодатию Божиею многия силы чудотворения на гробъ его дѣются, и донынѣ*» (РНБ, Соловецкое собр., № 1195/1366, л. 47—47 об.). На л. I сборника читается запись: «Пожегъвалъ въ библиотеку Соловецкаго монастыря бывший настоятель архимандритъ и кавалеръ Досифей. 1836 г. июля 7 дня». Сочинение опубликовано: *Никодим (Конов)*. Верное и краткое исчисление сколько можно было собрать преподобныхъ отецъ соловецкихъ: Агиологические очерки. СПб., 1900.

Помимо названных редакций Жития удалось обнаружить также особый текст, известный пока в единственном списке, — так называемую «Повесть о пустынножителе Феофане и ученике его Клименте».⁴⁸ Памятник представляет собой изложенный языком Нового времени фрагмент Жития, посвященный, большей частью, истории пустынножизни подвигов Феофана и Климента. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что изложение в Повести ведется со слов некоего брата Соловецкой обители Петра, не упоминающегося в полнотекстовом варианте памятника.⁴⁹ Кроме того, краткая Повесть содержит некоторые детали, неизвестные другим редакциям памятника: например, в ней сообщается о том, что соловецкий звонарь, рассказавший Феофану о встрече в пустыне с Климентом, слабо видел; при описании жизни Феофана на Сумском подворье, когда он, поддавшись дьявольскому искушению, отпал от богоугодного жития, сообщаются детали этого падения.

Как удалось выяснить, в 1848 г. этот небольшой текст был издан отдельной брошюрой иеромонахом Паисием Кривоборским⁵⁰ — составителем Патерика новгородских чудотворцев, рукописи которого хранятся, в частности, в собр. Александро-Невской лавры РНБ.⁵¹ Обращение к списку Патерика, датирующемуся 1831 г.,⁵² дает право утверждать, что к этому времени краткая Повесть о Феофане и Клименте уже существовала: в оглавлении Патерика она упомянута под 12 июня. Запись эта сопровождается более поздней авторской пометой: «Напечатать 1848 года» (при этом сам текст Повести в сборнике отсутствует).⁵³ Как бы то ни было, издание Паисия Кривоборского следует, по-видимому, считать первой публикацией, посвященной Феофану Соловецкому.⁵⁴

В завершение обратимся к вопросу о времени создания памятника и его предполагаемом авторе. Можно с уверенностью говорить о том, что Житие Феофана было создано вскоре после смерти подвижника: его Краткая редакция была составлена не позднее 1824 г. (этим годом датируется бумага самого раннего — Архангельского — ее списка),⁵⁵ то есть через пять лет после преставления старца.

⁴⁸ РГБ, ф. 304. II (собр. Троице-Сергиевой лавры, Дополнительная библиотека), № 250, л. 320—328 об. Сборник жизнеописаний (составной). 40-е гг. XIX в. 532 л. (далее — ТСЛ 250).

⁴⁹ Нач.: «Одинъ братъ Соловецкой обители, именовъ Петръ, бывши на Анзерскомъ островѣ по монастырскимъ потребамъ, часто посѣщаль тамошняго пустынножителя Феофана, жившаго подъ горою, называемою Голгофа» (ТСЛ 250, л. 320).

⁵⁰ *Паисий Кривоборский, иером.* О пустынножителе Феофане и ученике его Клименте. СПб., 1848.

⁵¹ РНБ, собр. Александро-Невской лавры, А-9, А-59, А-60 и др.

⁵² На верхней крышке переплета сборника РНБ, собр. Александро-Невской лавры, А-9 вытиснено: «Патерик Новгородских чудотворцевъ 1831 года». Можно отметить при этом, что список Патерика выполнен на бумаге с белой датой «1829».

⁵³ РНБ, собр. Александро-Невской лавры, А-9, л. 54 об.

⁵⁴ Отмечу, что издание Паисия Кривоборского легло в основу еще одной публикации: в труде, посвященном русским подвижникам XVIII в., Е. Поселянин поместил главу «Пустынножитель Феофан и ученик его Климент», в целом повторив текст издания 1848 г. и подвергнув его лишь незначительной редактуре. См.: *Поселянин Е.* Русская церковь и русские подвижники XVIII века. СПб., 1905 [Репринт. изд.: Сергиев Посад, 1991]. С. 211—220. Можно предположить также, что интерес к Житию пустынножителя Феофана проявлял и святитель Игнатий Брянчанинов: в письме к своему письмоводителю Павлу Петровичу Яковлеву от сентября 1832 г. он писал: «А Житие Феофана Соловецкого оставляю у себя с намерением заняться оным...» (Полн. собр. творений святителя Игнатия Брянчанинова: В 8 т. М., 2007. Т. 7: Письма. С. 614).

⁵⁵ Филигрань: Pro Patria с литерами AF Rall, типа: *Клепиков.* Филигранные, II, № 1091 (1824 г.).

Самый ранний из списков Пространной редакции — Арх. 222, — по свидетельству читающейся в нем писцовой записи, был создан в январе — марте 1829 г.⁵⁶ Эта запись оказывается ключевой и в поисках ответа на вопрос об авторе Жития.

В тексте памятника неоднократно говорится о двух учениках Феофана, которых он «восприял от пострижения», — Паисии и Антонии. В келье Антония старец провел последние дни жизни, ему же он дал свою предсмертную заповедь: «Егда грѣшная моя душа изыдетъ от окаяннаго моего тѣлесе, ты, вземъ за нозѣ, извлеки е на брегъ морской и, привязавъ къ прилучившимся древцамъ гнусное и смрадное мое, глаголю, тѣло, от земли же отринувъ, вдаи волнамъ, глаголя Богу: “Господи! Милостивъ буди грѣшной душѣ убогаго монаха Феофана!”»⁵⁷ Кроме того, три списка Жития Краткой редакции (Сол. 8, Вел. 38 и Волог. 18) сопровождаются безыскусными виршами «в похвалу блаженнаго Феофана», изложение в которых ведется от лица того же Антония: «Благо было тогда мнѣ, / Когда авва жиль при мнѣ».⁵⁸ Наконец, в некоторых списках Краткой редакции Антоний прямо именуется «писателем» Жития старца: «Посту же апостолску приходящу, больному же (Феофану. — Т. Р.) конечно огневицею истаявающу, принесень бысть из хлѣбни въ просвирню, въ келию *единого от учениковъ*, в то время живущу в послушании печении просфоръ, *Антонию именем, иже и писатель бысть жития* и подвиговъ его самовидецъ, тогда уже бывъ иеродиаконом».⁵⁹

Писцовая запись в сборнике Археографической комиссии, содержащем полный цикл Повестей о соловецких пустынножителях, позволяет с той или иной степенью уверенности предположить, что этот парадный список мог быть сделан рукой самого Антония. Эта запись гласит: «1829 года, м(е)с(я)ца геннуариа 26 дня. Берл. (*так!*) пус(ъ)ни) иер(о)м(онах) Ант(оний) нач(ал) пис(ать), по 4 марта».⁶⁰ Проведенные разыскания показали, что бывший соловецкий казначей иеромонах Антоний, ученик старца Феофана и, как можно полагать, автор его Жития и составитель последней редакции цикла Повестей о соловецких пустынножителях,⁶¹ в марте 1828 г. был поставлен строителем Николаевской Берлюковской пустыни Богородского уезда Московской губернии.⁶²

⁵⁶ Арх. 222, л. 4 (см. об этом далее).

⁵⁷ Там же, л. 81 об.

⁵⁸ Цит. по ркп.: Волог. 18, л. 22 об.

⁵⁹ Волог. 18, л. 20 об. Ср. в самом раннем из известных списков Жития: «Приходящу посту святых апостоль, принесень бысть въ келию *ко ученику его именем Антонию*, тогда бывшу въ послушании въ печении просфоръ, уже бывшу иеродиаконом, *иже писа житие его*, самовидецъ бысть и изусть его сказанная слыша» (Арх. 70, л. 62—62 об.). См. также: Барс. 840, с. 26—27. В списке Востр. 95 указание на авторство в соответствующем эпизоде Жития отсутствует (л. 64 об.).

⁶⁰ Арх. 222, л. 4.

⁶¹ О том, что соловецкий иеромонах Антоний был составителем 3-й редакции цикла Повестей о соловецких пустынножителях, см.: *Ланченко О. В.* Повести о соловецких пустынножителях: (К истории создания цикла). С. 572.

⁶² См. об этом: *Денисов Л. И.* Описание Николаевской Берлюковской пустыни Московской епархии Богородского уезда. 3-е изд. М., 1898. С. 30 («Марта 28 1828 г. назначен строителем Антоний, пострижник и бывший казначей Соловецкий»). Необходимо отметить вместе с тем, что приблизительно в то же время, когда был создан сборник Археографической комиссии, содержащий последнюю редакцию цикла Повестей о соловецких пустынножителях с писцовой записью иеромонаха Антония, в Берлюковской пустыни подвизался еще один иеромонах с тем же именем, имевший отношение к книжному делу: его руке, в частности, принадлежал Синодик обители, составленный в 1831 г. Сведения об этом зафиксированы в книге Л. И. Денисова: «Синодик обители составляет довольно толстую книгу, в лист, писанную уставом с киноварью, довольно краси-

Из хранящихся в архиве Синода актов Соловецкого монастыря, обнаруженных недавно О. Г. Волковым, известно, что иеромонах Антоний вскоре после смерти учителя исполнил его благословение: тайно покинул монастырь и ушел в пустыню, взяв с собой запас сухарей, несколько книг и инструменты для вырезания кипарисовых крестов, однако не вынес этого испытания — и через восемь с небольшим месяцев вернулся с покаянием в обитель.⁶³

Из материалов, хранящихся ныне в фонде Берлюковской пустыни в Центральном государственном архиве города Москвы,⁶⁴ удалось выяснить и другие биографические сведения об авторе Жития Феофана: иеромонах Антоний, в миру Алексей Иванович Ерофеев, родился предположительно в 1788 г. в Сергиевом Посаде Московской губернии.⁶⁵ Происходил из купеческих детей.

вым письмом. В самом конце книги находится следующая надпись: «1831 г. мѣсяца декабря въ 30 день, началъ переписывать съ ветхаго синодика на сей при строителѣ иеромонашѣ Венедиктѣ иеромонашѣ Антоний» (Там же. С. 57). К сожалению, мне не удалось пока обнаружить этот Синодик в фонде Берлюковской пустыни, хранящемся в ЦГАМ, а потому у нас нет возможности сравнить руку его писца с почерком Арх. 222, чтобы сделать однозначный вывод о том, является ли сборник Археографической комиссии автографом автора Жития Феофана Соловецкого.

⁶³ РГИА, ф. 796, оп. 100 (1819 г.), д. 768 («По рапорту управляющаго Соловецкимъ монастыремъ Сийскаго монастыря архимандрита Павла объ отлучкѣ неизвестно куда иеродиакона Антонія»). Приведу здесь фрагмент названного дела, содержащий показания иеродиакона Антония из Рапорта Синоду: «Дѣйствительно я прошлаго 1819-го года июля 13-го числа изъ Соловецкаго монастыря отлучился безъ позволения монастырскаго начальства съ намѣрениемъ жить на Соловецкомъ же островѣ въ отдаленномъ отъ монастыря пустынномъ мѣстѣ для душевнаго спасения, къ которой жизни побудилъ меня мыслью горячею любовию, такъ какъ я имѣлъ себѣ въ Соловецкой обители восприемнаго духовнаго отца монаха Феофана, который болѣе дватцати лѣтъ жилъ внѣ монастыря пустыннымъ подвигомъ, къ чему и меня своими наставлениями всегда склонялъ. А напоследокъ почувствовалъ онъ въ себѣ слабость въ здоровьѣ, решительно благословилъ мнѣ по смерти его, Феофана, жить въ пустынѣ для душевнаго спасения, // въ каковой слабости означенной мой духовникъ монахъ Феофанъ того жъ 1819 года июня 26 дня помрѣ. Я послѣ его сколько ни старался отворотить мысль свою отъ пустыннаго житія, но никакъ не могъ сего преодолеть. Оставя дальнее мучения помысла своего, возложилъ всю надежду на милосердіе Божіе и ходатайство къ Нему въ моихъ немощахъ преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія. Такъ какъ въ то время по случаю смены въ Соловецкомъ монастырѣ настоятеля не имѣлъ смѣлости прибегнуть ни къ кому для благословѣнія о своемъ намѣреніи, отлучился изъ монастыря вышесказаннаго 13-го июля тайно, взявъ съ собою хлѣба преждезаготовленныхъ мною сухарей, сколько можно было мнѣ по силѣ донести; сверхъ того изъ числа монастырскихъ казенныхъ одну книгу Исаака Сирина да двѣ книги собственныя Соловецкаго монастыря монашествующихъ, о которыхъ я при отлучкѣ и записку своей руки оставилъ. Отшедши отъ монастыря, верстахъ въ 10-ти въ срединѣ острова въ лѣсу вырылъ себѣ въ горѣ пещеру, гдѣ и жилъ въ безмолвіи восемь месяцевъ. А напоследокъ взятой мной изъ монастыря хлѣбъ употребилъ весь въ пищу. То какъ безъ пищи быть не могъ, равно и другія пустынные жестокости переносить былъ не въ силахъ, а всего больше совѣсть моя мнѣ ежечасно напоминала, что я безъ благословенія настоятеля по случаю изысканныхъ причинъ изъ монастыря отлучился, — почему и явился въ монастырь сего числа для прежняго между братства жителства и желаю быть въ монастырѣ безъотлучно въ должномъ ко всѣмъ послушаніи; а о преступленіи своемъ ожидаю начальственнаго помилованія. Инструменту же для дѣланія крестовъ я у казначея на подержаніе не бралъ, кромѣ того что назадъ тому болѣе года бывший настоятель архимандритъ Паисій за здѣланное мною въ послушаніяхъ усердіе приказалъ казначею отпустить мнѣ вовсе безъ возвращенія изъ инструменту для рѣзанія крестовъ семь штукъ стоящихъ — ценой три рубли, которыя у меня теперь, такъ же какъ вышесказанныя книги, все въ цѣлости. Болѣе жъ я изъ монастырскаго ничего не бралъ. Объ отлучкѣ же моею какъ тогда никто не зналъ, равно и въ пустыни меня не видали, въ чемъ по долгу присяги и показую самую сущую правду» (л. 6—7 об.).

⁶⁴ ЦГАМ, ф. 709 (Николаевская Берлюковская пустынь Богородского уезда Московской губернии).

⁶⁵ Сведения о месте рождения Антония оказались отражены и в одном из поздних списков Пространной редакции Жития — ТСЛ 240. Здесь на левом поле л. 428 об. против имени Антония читается приписка: «Врожденцу Сергѣеве Посада, скончавшагося въ Берлюковской пустыни».

В 1818 г., будучи 30 лет от роду, принял постриг в Соловецком монастыре. В том же году был рукоположен в иеродиаконы, а затем — в иеромонахи. В 1824 г. был определен ризничим, а позднее — казначеем монастыря. В 1827 г. «за здѣлание бунтовскихъ поступковъ» иеромонах Антоний был уволен из монастыря.⁶⁶ В 1828 г. он был определен строителем в Берлюковскую пустынь, вскоре после чего заболел, был направлен на лечение в Москву, где и умер в мае 1829 г. в возрасте 41 года.⁶⁷ Погребен в Симоновом монастыре.⁶⁸

В «Описи имуществу, оставшегося послѣ покойнаго строителя иеромонаха Антония»⁶⁹ значатся, среди прочего, 17 книг (в том числе «Соловецкий летописец», «Описание Соловецкого монастыря» и «Ответы преосвященнаго Никифора на вопросы старообрядцев»), а также «чернилница съ песошницею оловянные»,⁷⁰ что может свидетельствовать о причастности их владельца к книжному делу. В пользу этого предположения говорит и то обстоятельство, что перед уходом в пустыню соловецкий иеродиакон Антоний, как удалось выяснить, отправлял в монастыре должность помощника книгохранителя.⁷¹

Вполне вероятно, что под упомянутыми в «Описи имущества иеромонаха Антония» «Ответами преосвященнаго Никифора на вопросы старообрядцев» имеются в виду «Ответы на Соловецкую челобитную архиепископа Астраханскаго Никифора», на которые автор «Возражения ученика Феофанова на раскольников» ссылается дважды — как на один из авторитетнейших источников в антистарообрядческой полемике. Приведу соответствующий фрагмент этого вставного сочинения, вошедшего в Пространную редакцию Жития Феофана:

«Но доволно ложь расколническая изобличена, истина же Церкви явленна, какъ то: въ Дѣянии на Мартина Арменина, Никономъ патриархомъ въ “Скрижали”, Иоакима патриарха в “Увѣгъ духовномъ”, въ “Жезлѣ правления”, святителя Димитриа Ростовскаго въ “Розыскѣ”, Питирима Нижегородскаго въ “Обилной пращицѣ” и премудрейшаго грека архиепископа Астраханскаго Никифора во *Отвѣтахъ на Соловецкую челобитную*. Естли же еще сихъ доводо-въ мало вамъ видится и естли ни тѣмъ православнымъ, которыя приходятъ въ Россию, вѣрить хотите, то пошлите для обозрѣния [*какъ говоритъ архиепископъ Никифоръ*] своихъ вѣрнѣйшихъ въ Грецию, Болгарию, Сербию, Далмацию, Валахию, Молдавию, Грузию, Палестину, Антиохию, Александрию, въ Афонскую и Синайскую гору, въ монастыри и скиты Иерусалимския, во всѣ части Азии и Африки, гдѣ суть православныя христiane, — во всѣхъ сихъ мѣстѣхъ обрящете

⁶⁶ ЦГАМ, ф. 709, оп. 1, ед. хр. 43, л. 27. При этом сообщении, содержащем неблагоприятные подробности инцидента («за здѣлание бунтовскихъ поступковъ съ обидою послушника Лаврентия Козмина и за наказание неповинно розгами разныхъ послушниковъ и богомольцевъ безъ вѣдома настоятеля»), по свидетельству архивныхъ материалов, рукой архимандрита была сделана приписка: «Самочиния и лукавства исполненъ и къ начатию бунтовъ склоненъ». Однако по представлении упомянутыхъ материалов в вышестоящие инстанции 18 июня 1828 г. Московской духовной консисторией была вынесена следующая резолюция: «Брань Соловецкаго архимандрита не помѣшаетъ Антонию быть порядочнымъ настоятелемъ» (л. 27 об.).

⁶⁷ Там же, л. 22—28.

⁶⁸ См.: Денисов Л. И. Описание Николаевской Берлюковской пустыни Московской епархии Богородскаго уезда. С. 30.

⁶⁹ ЦГАМ, ф. 709, оп. 1, ед. хр. 43, л. 31—32 об.

⁷⁰ Там же, л. 32 (в слове *чернилница* в ркп. пропущена буква *н*).

⁷¹ РГИА, ф. 796, оп. 100 (1819 г.), д. 768, л. 1.

всякаго рода и состояния православныхъ, крестящихся троеперстнымъ сложениемъ, и васъ о семь силнѣе, можетъ быть, увѣрять».⁷²

Наличие среди книг иеромонаха Антония антистарообрядческого сочинения архиепископа Никифора, использованного во вставном «Возражении ученика Феофанова на раскольников», дает дополнительные основания считать, что этим учеником и, соответственно, автором «Возражения» и Жития Феофана в целом был соловецкий иеромонах Антоний, в миру Алексей Ерофеев.

И последнее. В двух поздних списках Жития Феофана Соловецкого (Епарх. 876 и Востр. 1109) во фрагменте, посвященном ученикам Феофана, имеется комментарий на нижнем поле, содержащий важные для нас сведения: «Первый изъ нихъ, именемъ Паисий, былъ послѣ въ Соловецкомъ монаст(ыре) намѣстникомъ, нынѣ въ Полоцкѣ архимандритомъ въ первокласномъ монастырѣ и Святыя Анны 2-й степени кавалеръ, императорскою короною бриллиантовою украшенный. А послѣдний, Антоний, послѣ былъ въ Берлюковской пустыне строителемъ, гдѣ и скончался. *Которые и Житие сие писали*».⁷³

Таким образом, есть основания полагать, что и второй ученик Феофана, Паисий, мог быть причастен к составлению Жития старца. Это предположение выглядит вполне вероятным, если вспомнить о существовании особой краткой «Повести о Феофане и ученике его Клименте», сведения которой, как упоминалось, несколько расходятся с основным текстом памятника: не исключено, что она сохранила следы работы второго агиографа. Дальнейшие разыскания, возможно, помогут ответить на этот и другие остающиеся пока невыясненными вопросы литературной истории Жития соловецкого пустынножителя Феофана — одного из ярких памятников русской агиографии XIX века.

* * *

В Приложении публикуется текст Пространной редакции Жития Феофана Соловецкого по списку БАН, собр. Археографической комиссии, № 222, л. 34—82 библиотечной пагинации.

⁷² Арх. 222, л. 69 об.—70.

⁷³ Востр. 1109, л. 74; Епарх. 876, с. 97. Приведенный комментарий заканчивается в рукописях следующим примечательным пассажем, который завершает яркий портрет автора Жития Феофана Соловецкого иеромонаха Антония: «Паисий нрава тихаго и кроткаго, а Антоний горячаго, почему старецъ ему и не благословлялъ въ настоятельство вступать». Интересно, что на одной из книг Горичского монастыря, хранящихся ныне в собрании Кирилло-Белозерского музея-заповедника («Житие Зосимы и Савватия Соловецких», 1825 г.), сохранилась следующая дарственная надпись Антония: «Ее высокопреподобию пречестнейшей госпоже игуменье Маврикии (...) от недостойнейшего (...) Соловецкого монастыря казначея и намѣстника иеромонаха Антония» (Отдел письменных источников Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Ск 1031). См. об этом: *Смирнова А. В.* Книги Воскресенского Горичского монастыря в собрании Кирилло-Белозерского музея-заповедника // Кириллов: Краеведческий альманах. Вологда, 2003. Вып. 5. С. 122.

Повѣсть о пустынножителѣ Феофанѣ¹

Блаженныя памяти и добродѣтельныя жизни пустынножителный старецъ Феофанъ родомъ бысть из Малороссии, художествомъ земледѣлецъ. По смерти родителей своихъ остася дванадесятилѣтень, съ малымъ братомъ своимъ и сестрою, малолѣтною же.

Бывшу же ему шестнадцати лѣтъ и начинающу прекормляти сиротствующихъ своихъ брата и сестру, единою изыде на полѣ орати землю. Орющу же ему, внезапно осия его свѣтъ нѣкий божественный и коснуся сердца его. Призираяй бо на землю Господь видѣти вся сыны челоуѣчскія, видѣ готово сердце его на пріятие любве Его божественныя, коснуся сердца его благодатию своею, взывая от чувственныя нивы разумный воздѣловати виноградъ свой. Онъ же, ощутивъ въ себѣ необычное оно озарение, умилися душею. Абие тогожде часа изпряже воловъ, оставивъ въ земли плугъ свой, сотвори, якоже Авелмелульский Елисей: *л. 34 об.* *взѣмъ въ руцѣ единъ // жезлъ, ни съ домашними простився, ниже на путь что взѣмъ, отвергъ суету мира сего любве ради Христовы, весь возложився на промыслъ Божий, иде въ путь. И, Богомъ наставляемый, прииде въ Киево-Печерскую лавру преподобныхъ отецъ Антонія и Феодосія, и тамо пріять бысть. Препровождая же семнадцать лѣтъ въ различныхъ послушаніяхъ, приставленъ бысть служити нѣкоему затворнику именемъ Досифею, даръ прозрѣнія имущему. И служаше ему со смиреніемъ, вѣрою и благоговѣніемъ, обучаяся иноческому житію.*

По прешествіи преждереченнаго времени прииде ему желание посѣтити во Иерусалимѣ святыя мѣста, и моляше святаго старца своего, да благословитъ ему ити въ путь той. Онъ же, прозорливъ сый, рече: «Нѣсть ти, чадо, пути во Иерусалимъ, ни во Святую гору: инъ тебѣ предлежитъ путь во свое время. Нынѣ же, аще хощеша, Господь да благословитъ, иди въ Молдавію, и на пользу тебѣ будетъ».

Оному же о пути пекушуся, рече старецъ: «Иди на Подоль [мѣсто тако въ Киевѣ называемо]² и вступи о приѣхавшихъ из Молдавіи двухъ монаховъ и, *л. 35* *обрѣтъ ихъ, приведи съмо». // Ибо блаженный сей затворникъ Досифей многая лѣта препроводи, въ затворѣ пребывая, никакоже изходя, ниже съ кѣмъ общаяся, но аще кто приходаше молитвы ради и благословенія, со онѣми бесѣдоваше мало, паче же со странными, иже приходаша въ Киевъ на поклоненіе мощамъ святымъ, ихже бѣ множество. Тии присно приходаша къ затворнику, просяще молитвы и на путь благословенія, къ тому же многая творяху вопрошенія. Старецъ же, благодати в немъ дѣйствующей, всѣмъ отвѣщаваше*

¹ *Житіе Феофана Соловецкого, будучи включено в цикл Повестей о соловецкихъ пустынножителехъ, получило здесь наименованіе Повести и порядковый номер — в соответствии с общей нумераціей «Повестей о пустынножителехъ Соловецкого острова», составляющихъ сборникъ Арх. 222: «Повѣсть б. О пустынножителѣ Феофанѣ». При публикаціи отдельнаго памятника мы сочли возможнымъ опустить порядковый номер, присвоенный ему внутри цикла.*

² *Такъ в ркп. Далее в текстѣ памятника неоднократно встречаются взятые в квадратныя скобки сведения поясняющаго характера или авторскія ремарки, выполненныя темъ же почеркомъ. В дальнейшемъ проставленныя в текстѣ скобки воспроизводятся безъ дополнительнаго комментарія.*

хотящая быти — и сбывахуся всегда словеса его тако, якоже глаголаше. Сице и здѣсть: не слыша бо о приходѣ из Молдавии, ниже видѣвъ ихъ, посла ученика своего. Той же, шедъ, обрѣте по словеси старца своего и приведе ихъ къ нему. Бѣ же то добродѣтельный и премудрости духовныя исполненный старецъ Софроний, спостникъ и сподвижникъ единомысленный великому старцу аввѣ Паисию, архимандриту Нямецкому, иже по его кончинѣ и архимандрит тамо бысть. Сей пречестный старецъ Софроний посланъ бысть со инымъ монахомъ от аввы // Паисиа изъ Молдавии въ Киевъ ради книгъ и иныхъ потребъ. Ему же вѣвѣренныя свои дѣла исправлшу и уже обратно возвращающуся, призва къ себѣ затворникъ и моляше ихъ, да возмуть ученика его съ собою и проводятъ въ Молдавию. Они же съ любовию пояша его съ собою, понеже потребенъ бысть имъ въ пути на послужение, и тако отъидоша. л. 35 об.

Въ шестви же томъ блаженный Феофанъ многая прія озлобления от нужды путныя, а паче от утѣснѣния турокъ, и скорбяше раскаеваяся, яко иде тамо. Приближающимся имъ къ своей Нямецкой обители, самъ изыде въ срѣтение ихъ великий старецъ Паисий и привѣтствова любезно. Благословляя же Феофана и именемъ, егоже не знаяше, нарицая, рече: «Не скорби, чадо, не вотщѣ бысть къ намъ, худымъ, приходъ твой. Богъ, — рече, — изочте вся стопы твоя. Той готовить тебѣ мзду свою». И приемъ ихъ любезно, упокои.

Пребывая же блаженный Феофанъ въ Молдавии въ первоначальномъ монастырѣ Нямецкомъ, таже хождаше въ Секулской и прочия скиты, здѣсь разсматривая строения и мѣстоположения // обителей и келлий, чиноположения, уставы монашеския, крѣпко наблюдаемая, нравы ихъ, красоту иноческаго жития показующыя, како держяхуся нестяжания. Не видяшеся бо въ келлии ихъ ничего мирскаго, но точию икона, книги, постеля-рогозие и орудия, имиже рукодѣлие творяху, — не даяху бо ни единому праздно жити. А паче всего смирения держяхуся, гордость же и тщеславие отрѣваху, гнѣва же и озлобления не бяше между ими. Ибо аще бы кому дѣйствомъ бѣсовскимъ случилось сваритися, то тшяхуся скоро между собою смириться. Аще же кий, ожесточень бывъ, не хотяше брата своего простити, того увѣдавъ, настоятель абие из обители изгоняше. Ступание имѣяху кротко, очи низу зрящия. Въ срѣтении единъ другаго предваряше поклонениемъ. Въ церквѣ стояху идѣже кому благословенно бысть. Во время шестопсалмия весма кротко предстояху вси, а во время поучения всюду обѣдяху проповѣдника, кийждо тшашеся слышати душеполезное слово. Празднословити же никакоже попускаху — не токмо въ церкви, но ни на монастырѣ, // ни внѣ монастыря. л. 36

А понеже братии авва Паисий въ своей Нямецкой обители тогда до седми сотъ имѣяше, то на послушание и труды монастырския собирахуся во многомъ количествѣ: овогда по сту, иногда по сту пятидесяти и болѣе. Сии егда творяху дѣла, тогда единъ из братии, на то учиненный, предстоя книгу чтяше или изустъ душеполезныя отеческия повѣсти глаголаше, прочии же труждающися послушаху. И аще бы единъ началъ глаголати что праздное, другий абие пресѣцаше, воспоминая заповѣдь. Въ келлии же сѣдяще, овии книги писаху, друзии преплѣтаху. Овыхъ зряше волну прядущихъ, иныхъ клубуки и камилавки дѣлающихъ и четки вяжущихъ или волну на рясы и мантии для братии ткущихъ. Инии же ложки дѣлаху, а инии кресты рѣзаху и прочия монастырския и л. 36 об.

инокомъ приличествующыя дѣла со усердиемъ без лѣности и съ глубочайшимъ смиреніемъ творяху.

л. 37 Еще же имѣяху и сие въ правило: вся братія даже до единаго подчиненны быша отцамъ духовнымъ, иеромонахомъ или искуснѣйшимъ монахомъ, къ нимъже приходяще, исповѣдаху грѣхи своя, // паче же источники сихъ — помыслы злыя, от общаго врага всѣваемыя, тыя изрыгнувшѣ, цѣльбу абие получаху душамъ своимъ. Сие же творяху на всякъ день дважды: утромъ приходяще, яже прешедшия ношы содѣяша, возвѣщаху; въ вечеръ же паки, еже днемъ содѣлаша, или глаголаша, или помыслиша, — вся со смиреніемъ кромѣ всякаго стыдѣнія и лжи исповѣдаху. Тѣмъже цѣли и неудобуязвляеми от бѣсовскихъ стрѣлъ пребываху.

Къ тому же истребляемъ бываше и сей соблазнъ, от произрастѣнія плодовъ земленыхъ и древесныхъ бывающий, ихже въ Молдавии великое изобиліе бѣше: егда бо творяху рѣзание лозъ виноградныхъ или обирание черныхъ сливъ, вишеня, дуль, яблоков, баргамотовъ, грушей и иныхъ различныхъ плодовъ, то отнюдь не попускаху во время дѣлания или мимохождения ясти, лакомство истребляюще. Но упразднившеся от дѣла или отдохновение творяще, собирахуся и, купно молитву сотворше, съ благословеніемъ во славу Божию яже от плодовъ вкушаху.

л. 37 об. Сия вся разсмотря³ боголюбивый Феофанъ, разгарашеся духомъ, желая съ ними жити, и моляше // авву Паисиа, да благословитъ у него пребывати въ Молдавии и да не посылаетъ въ Россію. Но той никакоже изволи, глаголя: «Нѣсть благословенія Божія тебѣ здѣсь у насъ остатися, но иди нынѣ въ Россію и послужи еще мало старцу твоему, уже бо скоро имать скончатися. По погребеніи же его иди, аможе речеть ти, — и спасешися». Напутствуя же его отеческимъ своимъ благословеніемъ, рече: «Богъ, чадо, под Егоже промысломъ Молдавия и Россія, да соблюдетъ тя на всякомъ пути, во нѣже пойдеши, и Пречистая Его Матерь да будетъ ти путеводителница. Вѣрую бо Богу, яко не дасть тебѣ искуситися паче мѣры, но сподобитъ части избранныхъ своихъ молитвъ ради преподобныхъ отецъ Антонія и Феодосіа Печерскихъ чудотворцовъ и святаго старца твоего Досифея. Буди тебѣ и от нашего смиренія Божіе благословеніе: возвѣсти⁴ от насъ благоговѣйному старцу твоему благодарственная и нашу худость не забывай».

л. 38 Таже напутствовавъ его потребными, даде ему листъ от себя пограничной на прошествіе из Молдавии. Въ путешествіи своемъ, аще случашеся // нѣгдѣ истязуему быти от турокъ, кто есть и откуда грядеть, егда показоваше листъ оный, турки, машуще руками, глаголаху: «О, Паисій, Паисій! Гайда, гайда!» — си есть: «Аще Паисій даль — иди, не стой!» Онъ же, сие видѣвъ, дивляшеся, како безбожнии турки толико чтуть старца, не смѣюще держати, видя от него данный листъ оный. Тако возвратися безбѣдно въ Киево-Печерскую лавру, повѣда старцу своему, еже видѣ, и от старцевъ оныхъ привѣтствие возвѣсти. И славяху оба Бога.

По семь, препроводившу ему нѣкое время со старцемъ своимъ, егда видѣ старецъ себе къ скончанію приближающася, нача ученику своему глаголати:

³ Испр., в ркп. пропущена буква с.

⁴ В ркп. слово правлено: после последнего слога читается затертый слог -ти.

«Чадо мое возлюбленное, много послужившее худости моей! Нынѣ, якоже видиши, отхожду въ путь отецъ. Ты же, егда погребеши кости моя, кътому не пребуди здѣ, но иди на мѣсто сѣверное, идѣже тебѣ даруется спасение, — во обитель, глаголю, Соловецкую, въ покровительство преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватиа».

Онъ же, не вѣдый о мѣстѣ томъ, ниже слыша от кого, рече: «Азь, о отче, общахся здѣ, // у преподобныхъ отецъ Антониа и Феодосиа при пещерахъ, по смерть мою жити, или затворитися, или вселитися въ пустыню». *л. 38 об.* Старець же рече: «Чадо, едино есть пред Богомъ, якоже здѣ Антоний и Феодосий, тако тамо Зосима и Савватий — равную имѣють благодать у Бога ходатайствовати о духовныхъ чадахъ своихъ. А понеже вижу Божий промысль, показующъ мѣсто тебѣ на Сѣверѣ, вѣрую убо Богу, яко молитвъ ради угодившихъ Ему все устроить по желанию твоему Той на спасение души твоей и пустынный болѣзни понести поможеть ти. Сего ради не буди противень судбамъ Божиимъ, но, бывъ тамо, внимай себѣ и блюдиися опасно лютаго льва, рыкающаго поглотити ты и ищущаго запяты стопы твоя. Аще ли что случится противное, не буди уныль, но потщися абие исправити себе. Богъ же и благодать Пречистыя Богоматере, строителницы Печерския, и молитвы преподобныхъ отецъ Антониа и Феодосиа да спутшествуютъ съ тобою и да сохранять ты от сѣтей бѣсовскихъ до конца!» Предрече же ему и еще нѣкия вещи, быти имущия.

Такъ наказавъ ученика своего блаженный // Досифей, пребысть подвизаяся *л. 39* въ затворѣ болѣе тридесяти лѣтъ. Пред скончаниемъ же своимъ мало поболѣвъ, отъиде ко Господу. Его же многоболѣзненное подвижническое тѣло погребе честно ученикъ Феофанъ въ той же Китаевой пустынѣ 1778 году.⁵ //

Повѣсть о затворникѣ Досифеѣ⁶

л. 39 об.

Сей многотрудный и добродѣтельный прозорливый затворникъ, блаженный Досифей, жена бысть естествомъ, мужъ же образомъ. Аще и мало есть кому вѣдомо о семъ и, можетъ быть, нѣкимъ невѣроятно возмнится, но вѣдущи житие Феодоры, Марины, Евфросинии, Евгении, Матроны и иныхъ многихъ святыхъ женъ, въ мужескомъ образѣ подвизавшихся, во отеческихъ книгахъ упоминаемых, нимало⁷ не усумнятся и о сей. Единъ бо есть Богъ, иже оныя древле укѣпивый, Той и сию въ послѣдняя наша, слабостей и нерадѣнія исполненная, времена ради Божественныя любви, люботруднаго безмолвия, молитвеннаго трезвѣнія, смиренія, терпѣнія и конечнаго очищенія своею Божественною благодатию огради и утверди, дарований⁸ прозрѣнія и разсужденія исполни и даже до кончины никѣмъ не вѣдому быти, коего есть пола, сотвори, якоже предлежащая явить повѣсть. //

⁵ Вторая половина л. 39 оставлена чистой.

⁶ В ркп. Повѣсть, как и другіе тексты, входящіе в цикл Повѣстей о соловецкихъ пустынножителяхъ, имеет порядковый номер, который мы при публикации опускаем: «Повѣсть 7. О затворникѣ Досифеѣ».

⁷ В слове буква и испр. из е.

⁸ Испр. по Епарх. 876, с. 44; в ркп. ошиб. даровавый.

л. 40 Родися мнимый сей Досифей во предѣлѣхъ Рязанской губернии от благородныхъ помѣщиковъ, по фамилии Тяпкиныхъ, и наречена Дариею, ибо женска, якоже речеса, пола бысть. Нѣкогда принесе ю мать ея, двухъ лѣтъ сущую, матери своей, честнѣйшей монахинѣ Порфирии, въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ добродѣтельно жизнь свою провождающей. Изволися же ей по совѣту матери своей оставити дщерь свою на нѣкое время въ монастырѣ — и пребысть тамо юнѣйшая дѣвица Дариа у бабки своей семь лѣтъ, до девятого лѣта возраста своего. По семь старица Порфириа, егда восхотѣ прияти совершенный аггелский образъ, святую схиму, тогда отдаде внуку свою, дѣвицу Дарию, матери ея. И пребываше оттолѣ юная отроковица Дариа въ дому родителскомъ до пятнадцати лѣтъ возраста своего, всегда уклоняся обычныхъ юнымъ дѣтемъ игръ. Въ среду и пятокъ ни ядыше ничесоже, мяса же и млека и яицъ никакоже могоша родители принудити ю ясти, но присно устранишеса челоуѣческаго общения и внимаше себѣ.

л. 40 об. По семь, Богу наставляющу рабу свою, изыде // тайно от родителей своихъ. Единою бо въ вечеръ поздень, прогуливающимися блаженная Дариа съ двѣма сестрами своими въ роши, древесъ исполненной, уклонися от нихъ и скрыся. Въ ношы же, егда не обрѣтеса Дариа, воздвижеса смятение велие въ дому, и наутрие искаша ю повсюду, но не обрѣтоша, точию платъ ея единъ нѣгдѣ под древомъ найдень бысть. И воздвижеса плачь велий въ дому Дарии ради: рыдаху родители по дщери, сестры по сестрѣ, рабы по госпожѣ своей. А паче родительница ея рыдаше велми и неутѣшена пребываше: толико же плакаше, яко от премногого сѣтования и умъ погубити ей.

По триехъ лѣтехъ отшествия блаженныя Дарии пойде сестра ея съ материю свою, болною сущою, въ Москву на поклонение святымъ мощамъ московскихъ чудотворцовъ. Оттолѣ иде въ Лавру преподобнаго Сергия Радонежскаго чудотворца.

л. 41 Бывшимъ имъ во обители въ соборной церкви Живоначалныя Троицы, идѣже святыя мощы преподобнаго Сергия почивають, дщерь болныя, сестра же отшедшия Дарии, стоя съ материю своею близъ раки преподобнаго, видить юнаго монаха, возжигающа и устрояюща свѣщы у раки преподобнаго. // Егда же возрѣ на лицѣ его, бысть во удивлении, видяше бо все подобие сестры своей, обаче не смѣяше въначалѣ спросити о немъ, кто есть и откуда. Помалѣ же паки возрѣ и смотряше на него, нача познавати, яко поистиннѣ монахъ оный юный во всемъ подобенъ сестрѣ ея есть. Смутися вся внутренняя ея, и не можаше ждати конца литургии, приступи ко иеромонаху, у раки преподобнаго Сергия стоящему, спроси его, кто есть юный монахъ оный, возжигающий свещы, и много ли живеть время во обители, и како нарицается.

Иеромонахъ же оный сказа ей, яко три лѣта есть, отнелѣже прииде во обитель инокомъ. Наризается же Досифей. Тогда сестра моляше старца онаго, да по скончании Божественныя литургии приидеть къ ней самъ въ гостинницу, поемши юнаго онаго монаха. Глаголаше бо ему, яко имѣеть нужду свидѣлствовать ему от родителей и сродниковъ его привѣтствование, и желаютъ знати о его здравии. Старець, то слышавъ, общася приити къ нимъ съ юнымъ монахомъ.

л. 41 об. Симвъ бывающимъ, монахъ оный юный ктому // невидимъ бысть за литургиею. Сестра же ея благонадеждна бысть, надѣяся видѣти желаемого, ждаше

весь день, но тщетно. Послѣди же вечерни приступи ко гробовому иеромонаху и паки прошаше его, да приидеть съ преждереченнымъ братомъ. Старець же возвѣсти ей, яко братъ отъиде нѣкамо, и егда возвратится, тогда посѣтятъ ю. Но и по прошествии ноши не прииде ожидаемый. По семъ искаша братия его всюду три дни и не обрѣтоша. Тогда сестра позна истинно, яко монахъ онъ, свѣщы возжигаяй, воистинну сестра ея есть, юже онъ прежде ея позна. И плакася много, ища, но не возможе обрѣсти искомаго, и тако возвратися въ домъ съ болною матерію своею.

Минувшимъ же двадесяти лѣтомъ, от сестръ ея едина (матери уже умершей) услыша, яко въ Киево-Печерской лаврѣ нѣкий затворникъ подвижается въ затворѣ, именемъ Досифей, возжела зѣло видѣти его и бесѣдовати съ нимъ. Многу бо пользу творяше блаженный Досифей приходящимъ къ нему и требующимъ совѣта его и наставления, // имѣяше бо дарование слова, о нѣмъ же л. 42 вопрошаемъ бываше, приличныя даяше отвѣты. Къ сему же и прозрѣнія благодать дана бысть ему, и прорицаше приходящимъ къ нему челоуѣкомъ хотящая быти, челоуѣческая же согрѣшения обличаше, къ покаянію приводя. И сбывахуся всегда проречения его. И ихже къ животу видяше идущихъ — даяше имъ жезлъ или просфору, а ихже къ смерти — тѣмъ даяше фимиамъ.

Къ сему сестра она прииде, желая видѣти, и въ прилучившееся время бесѣдова съ нимъ, обаче лица своего затворникъ не изволи показати ей. Бесѣдуя же, поучаше не изнемогати въ напастѣхъ, но посылаемая от Бога искушения мужественно терпѣти. Такожде и о сродницѣхъ, аще въ смерти, аще въ болѣзнѣхъ, или во изгнании, или невѣдомо камо скрывшихся, а паче, аще Бога ради — непотребно безразсудно малодушствовати или роптати, но во всемъ на промыслъ Божій возлагатися, да будетъ во всемъ воля Его святая Божественная, челоуѣколюбная и душеспасительная. А наше плотское, челоуѣческое — лживое и многажды прелестное // мудрование, зане и буге Божие премудрѣ л. 42 об. челоуѣческаго. Сицевая рекши затворникъ, закры оконце, и не можаше сестра ничесоже болѣе тогда увѣдати о немъ.

По времени паки бысть въ Киевѣ, но уже по кончинѣ подвижнѣйшаго затворника Досифеа. Глаголють же нѣщии, яко увѣрена бысть от отца его духовнаго, иже исповѣдаше блаженнаго Досифеа, яко истинно женска пола бысть и яко въ юныхъ своихъ дѣвическихъ лѣтѣхъ остави миръ и отъиде тайно из дому родительскаго.

Обаче пред кончиною изгнание претерпѣ от бывшаго тогда въ Киевѣ митрополита. Той бо, шествуя нѣкогда въ Лавру, увидѣ близъ оконца затворника множество народа, вознегодова и повелѣ его превести въ Китайскую пустыню, отстоящую от Лавры шесть верстъ, идѣже пребывъ многотрудный старецъ Досифей нѣкое время, скончася о Господѣ 1778 году, на 55 году от рождения своего, въ затворѣ пребысть тридесять лѣтъ, и ту погребень бысть.⁹

⁹ По окончаніи вставной Повести о затворнике Досифее на нижнем поле л. 42 об., под чертой, более мелким почерком той же руки написано: «Повѣда сию Повѣсть о затворникѣ Досифеи племянница его, благороднѣйшая монахиня Дарія Ильинична, госпожа Долгова, живущая въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. 1824 года». На верхнем поле л. 43, перед возобновлением текста «Повести о Феофанѣ», читается запись той же руки: «Продолжение о Феофанѣ».

л. 43 // По семь ученикъ Феофанъ, забывъ наказание старца своего, паки восхотѣ въ Киево-Печерской лаврѣ пребывати: ископа себѣ пещеру, хотя въ ней жити, но воспрещенъ бысть. Таже въ пустыню близъ Лавры иде, но ни тамо жити возможе. Увидѣвъ же Божие неблаговолѣние тамо жити, послуша убо совѣта отца своего, изыде изъ Печерския лавры и идяше въ путь свой, призывая въ помощь Пречистую Матерь и преподобныхъ отецъ Антониа и Фео-досиа и Зосиму и Савватиа, ихъже молитвами достигъ пречестныя и богоспа-саемыя Соловецкия обители, приять бысть тогда бывшимъ архимандритомъ Иеронимомъ, по егоже благословению проходилаше различныя монастырския послушания, труждашеся со смириениемъ и страхомъ Божиимъ, пользу творя зрящимъ на него, яко искусный послушникъ. Таже посланъ бысть за пятнадцать верстъ на салотопный заводъ въ Реболду.¹⁰ По семь опредѣлиша ему во обители понамарское послушание въ церкви преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватиа. Къ сему же и просфоры печи вручиша ему, идѣже до осми лѣтъ //

л. 43 об. пребысть труждаяся.

Пребывающу ему въ просфорнѣ съ нѣкимъ братомъ зѣло добродѣтельнымъ, именовъ Климентомъ, подвижническую жизнь провождающимъ. Той всегда постышася, въ вечеръ пищу приемля, овогда же чрезъ день, а иногда чрезъ два дни. Къ тѣлу же своему глаголаше: «Азъ ты, о ленивый осле, всегда сладкихъ ищущий, сухоядѣниемъ и удручениемъ смирю, да, благопокорливъ бывъ, удобнѣ течеси въ путь свой».

Съ таковымъ ученикомъ пребываше, с нимъже иногда бесѣдуя, глаголаше ему о пустынножителехъ, на Соловецкомъ островѣ прежде подвизавшихся онаго, о нихъже никому не вѣдомо бысть, токмо единому Богу; самъ же, яко до-вольное время живый, вѣдшася, слышавъ отъ нѣкихъ достовѣрныхъ служителей. И повѣдаше ему, како пребываютъ едини, никогоже видяше, въ каковѣй алчбѣ и жадѣ, тѣснотѣ и нестяжании, присно въ страсъ и пренемогании. А еже паче, яко мнозии отъ нихъ, ниже обычныя человѣческия пищи имѣяху, но мохомъ и корениемъ, вакхою нарицаемымъ, и различными ягодами питахуся, всякаго лишенни утѣшения, // тѣлеса скорбяще и отъ бѣсовъ озлобленни, безчисленныя от¹¹ бѣсовъ нападения претерпѣвають, иже въ различныя виды преобразу-ющася, устрашаютъ, изгнати отъ пустыни козньствующие.

Но аще и множицею сие борются съ ними нечистии дуси, обаче под-вижницы Христовы непреоборимы бывають, помогающей имъ благодати Божией. Противятся бо имъ знаменiemъ крестнымъ, и молитвою къ Богу, и вѣрою, надѣющася, яко не попуститъ Богъ искушение выше силы нашея и яко не имѣють власти бѣси нападати на работающихъ Богу — и не точию надъ человѣками, но ниже надъ свиньями. Всякое бо искушение, а паче бѣсовское, попускаетъ Богъ къ нашей пользѣ. Къ сему же вѣдуще недостойны быти вся страдания нынѣшняго времени къ имущей быти славѣ возлюбившимъ отъ всея души Бога. Къ тому же ощущаху, яко сицевыми болѣзнями и страданиями совлекают-ся вѣтхаго человѣка, тлѣмага въ похотѣхъ, сирѣчь въ человѣческихъ обычаяхъ,

¹⁰ Слово Реболда в ркп. имеет пояснение: после него в тексте проставлен редакторский значок, повторенный на нижнем поле л. 43 с комментарием: «Реболда — мѣсто тако нарицается на том же Соловецком островѣ, от монастыря 15 верстъ отстоящее». Подобные комментарии встречаются в тексте и далее.

¹¹ Испр., в ркп. ω.

или, яснѣ сказать, — въ страстныхъ навѣковеніяхъ. Обновляются же вниманіемъ и трезвѣніемъ ума и молитвою въ новаго о Христѣ, си есть, въ безстрастїе. //

Хранить же Господь, промышление твоя о живущихъ во уединенїи, *л. 44 об.* якоже пишетъ преподобный Исаакъ Сиринъ. Сїце глаголаше и преподобный Онуфрій блаженному Пафнутію, яко живущымъ въ пустыни во уединенїи, тѣсный и прискорбный путь, въ Царство Небесное ведущий, проходити тшашымся, посылаеми бѣвають аггели святїи и укрѣпляютъ ихъ толико, яко сбыватися на нихъ словеси Исайи пророка, глаголющаго: «Терпящїи Господа измѣнять крѣпость, окрылатѣють яко орли, потекутъ и не утруждаются». Сїе есть, еже прежде рѣхъ ти, яко терпящїи Господа ради скорби и злостраданїа отъ бѣсовъ или отъ человекъ, бѣсами наушаемыхъ, измѣнять крѣпость, еже есть — дебѣлость плоти, дряхлость и разслабленїе души, мрачность ума; совлекаются ветхаго человекъ и бѣвають тонцыи и легцыи, не имуще тяжести плоти и труда, якоже прежде. Но измѣнившеся добрымъ измѣненїемъ пособиемъ десницы Вышняго, забываютъ множицею пищу и сонъ, презирають тѣлесная требованїа, небрегутъ о покои. И бываетъ имъ ночь яко день, труда же // коего *л. 45* или естественныя нужды не ощущаютъ, излися бо невидимо любви Божїа съ неизреченною радостїю въ сердца ихъ. Крылатѣють же суть сїи, очистившии мысль и суетныя помыслы крайнимъ безмолвїемъ, и отъ души изкоренивши ихъ посредствомъ трезвѣнїа и молитвы, и око сердечное свѣтовидно стяжавше, свойственнѣ возлѣтають умомъ горѣ въ боговидѣнїе, яко превыше чувствъ бывше.

Сїцевїи, возлюбленне Клименте, кромѣ всякаго сумнѣнїа, быша и здѣ, на Соловецкомъ островѣ, богоноснїи мужи, сокровенно Богу работающїи, якоже изъ преписуемыхъ видѣти есть:¹² въначалѣ — мужественнѣйшаго воина Христова, богоноснѣйшаго и многострадалнаго пустынножителя Андреа, прежде бывша трудника соловецкаго. Всїи, колико пострада отъ бѣсовъ, пребывая во алчбѣ и жадѣ, зимѣ и наготѣ пятьдесятъ и осмь лѣтъ и болѣе, ядый отъ Бога показанную траву и отъ езера пїяше воду.

Паки же, чадо, приснопамятнаго Дамиана слышымъ: зри, колика претерпѣ отъ бѣсовъ // бїенїа! Какова его вѣра и на Бога упованїе! Каковый его постъ *л. 45 об.* и презѣльное воздержанїе — въ самомъ бо началѣ подвига своего четыредесять дней пищи не вкуси. Коликия же паки отъ братїи досады и озлобленїа понесе, яко сидѣти ему въ желѣзахъ до полугода. Тѣмъ же и преблагїй Богъ по множеству болѣзнѣй его [Святаго Духа благодатию, Егоже сосудъ избранъ явїся] утѣши и возвесели душу его. Еще же по прошенїю его къ поощренїю на подвигъ и пользѣ души его, разумѣй, колико показа ему Господь рабовъ своихъ, вѣтайнѣ Ему работающихъ, отъ нихъже слышати и видѣти сподобленъ бысть преестественныя подвиги ихъ. Но паки божественный промыслъ свой и заступленїе яви ему, яко «дивна творить во святыхъ своихъ». Еда не слышалъ еси, чадо, въ Писанїи, яко: «Богъ не оставляетъ взыскующыя Его, и не до конца забвенъ будетъ нищїй, и терпѣнїе убогихъ не погибнетъ до конца»? И паки: «Воззваша ко Господу, вѣгда скорбети имъ, и отъ нужды ихъ избави я».

¹² Далее автор кратко излагает содержание Повестей о соловецких пустынножителях, входящих и в Арх. 222, причем определяет их как письменный источник: «якоже изъ преписуемыхъ видѣти есть».

л. 46 По семь повѣмъ ти едино, ты же внемли, во удостовѣрение мною прежде- реченныхъ, // яко быша и нынѣ есть на Соловецкомъ островѣ пустынножители, благодать подобно древнимъ богоноснымъ отцемъ стяжавшии, знамение подвиговъ своихъ показующыя. Мню же, яко и ты вѣси сие, от нѣкихъ слышавъ.

Брать единъ нашея обители изыде ради нѣкия потребы внутрь острова и заблудивъ хождаше, ища стези къ монастырю. По смотрению же Божию обрѣте въ горѣ нѣкоего пустынножителя, о Бозѣ подвизающася. Съ нимъ же бесѣдую, слыша от него сие:

По семь повѣдаю тебѣ, брате, нѣчто, удивления достойно. Бысть у васъ во обители гость из Анзерскаго острова. Той егда приближашеся къ монастырю, от прилучившагося мѣста поиде прямо по Святому езеру. Его же узрѣвъ нѣкий братъ, именовъ Киприанъ, по прозванію Простота, возопи къ прилучившимся, глаголя: «Зрите, братие, челоуѣка нага, по водамъ ходяща!» Братия же егда узрѣша его, той абие невидимъ бысть.

л. 46 об. Сицевая и симъ подобная бесѣдую, глаголаше ученику своему Клименту Феофанъ, еже онъ слышавъ, горяше духомъ къ пустынному житію. // Послѣди же, не могій болѣе терпѣти внутрь пылающаго пламене желанія безмолвнаго, согрѣвающей душу его божественной любви, нача молити старца своего, да благословитъ его отъити въ пустыню. Но той первѣе искушаше его, аще можетъ понести пустыннии труды и скорби. А понеже вѣдяше его и первѣе подвижническую проходяща жизнь, еще же неотступное моление его видѣвъ, отпусти его, напутствовавъ потребными. Кое же напутствование его? — Точію хлѣбъ сушеный, сѣкира и мотыка. Отпуская же его, рече: «Чадо, благословенъ буди исходъ твой, и молитвы преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватіа да будутъ ти стѣна, оружие и заступление отъ всѣхъ навѣтовъ вражиихъ! Ты же, единъ бывъ, внимай себѣ, спасая душу свою».

Онъ же, приемъ благословение и наставление, поклонися ему, орошая носъ его слезами, и потече, яко елень на источники водныя, сице онъ — внутрь острова въ необитаемая мѣста, идѣже преходя густыя лѣса и горы, обрѣтъ въ л. 47 подгоріи нѣкое благоугодное себѣ мѣсто // и, ископавъ пещеру, нача жити въ ней, единъ единому работая Богу постомъ и молитвою день и ночь. Плоть же свою, на духъ похотствующую, умерщвляше пустыннымъ злостраданіемъ, но и бѣсовская страхованія терпяше подвижникъ Христовъ крѣпко. Старецъ же его Феофанъ печашеся о немъ и многажды извѣщашеся чрезъ нѣкоего достовѣрнаго и богобоязливаго воина, имѣже и пищу иногда посылалаше.

Единою въ зимнее время, изготавивъ сухарей, посла съ помянутымъ воиномъ къ пустыннику, хотя увѣдати, живъ ли есть. Ему же возвратившуся, служитель нѣкий, ходя по лѣсу, обрѣтъ лыжницу его, иде по ней, хотя увѣдати, камо ведетъ. Дошедъ до пещеры и пустынника видѣвъ, егда возвратися въ монастырь, повѣда архимандриту Иерониму, яко послушникъ Климентъ въ пустынѣ живеть. Той же, сие слышавъ, абие посла монаховъ и штатныхъ солдатъ и служителей привести его въ монастырь. Они же, обрѣтше, возвратиша во обитель. л. 47 об. Архимандритъ же, бранивъ его, паки посла къ Феофану въ просфорню. И паки начаша // жити вкупѣ, просфоры пекуще.

Но истинный безмолвня рачитель не имѣ въ душѣ своей покоя, но непрестанное желаніе, еже конечнѣ вселитися въ пустыню. По прошествіи убо

зимы оной паки моляше старца, да паки отпустить его въ пустыню на уединение. Старець же, умолень бывъ, отпусти его паки. Сие слышавъ архимандрить, зѣло оскорбися и паки посла монаховъ, штатныхъ служителей и солдатовъ искати его. Тии же всюду по острову искаша, но обрѣсти не возмогше, возвратишася тшы.

Отшелникъ же, от помянутаго солдата увѣдавъ мятежь, бывающий его ради въ монастырѣ, скрися невѣдомо камо. Старець же его Феофанъ по маломъ времени посла помянутаго солдата увѣдати, како пребываетъ. Той же, шедъ, уже не обрѣте его въ пещерѣ и, много ходивъ по острову, не возможе его видѣти, и возвратився, повѣда старцу, яко пустынный невѣдомо гдѣ скрися. Феофанъ же, слышавъ сие, опечалися, послѣди же умысли и свое намѣрение, еже от многаго времени имѣяше, совершити, си есть — въ пустыню вселитися. // И нача архимандрита Иеронима молити, да отпустить его въ пустыню на безмолвие, но той никакоже изволи отпустить. л. 48

Онъ же, усмотривъ время удобно, Богу ему во благомъ намѣрении поспѣшествующу, изыде тайно изъ монастыря и хождаше посредѣ острова во отдаленныхъ пустынныхъ мѣстѣхъ, ища ученика своего Климента, но не обрѣте. Избравъ убо нѣгдѣ въ подгории мѣсто близъ Ягоднаго озера, десять поприщъ от монастыря отстоящаго, ту ископа хижину себѣ въ землѣ и вселися въ ней, благодаря Владыку Христа, сие же желание его исполнившаго. И нача простиратися на пустынный подвиги, въ нощи Псалтирь поя и поклоны многи творяше, во дни же въ тѣлесныхъ трудѣхъ пребываше, келлию устроевая, бруснику, мохъ и вакху корения собирая. Сею бо пищею множицею питашеся. Сими и прочими пустынными труды плоть свою, на духъ воуюющую, умерщвляше. Бога же въ помощь себѣ призываше, глаголя: «Боже, въ помощь мою вонми, да постыдятся и посрамятся хотящи запяты стопы моя».

Бѣси же, его сие видяще подвизающася, // и сами вооружахуся противу л. 48 об. его во множествѣ своемъ и различно устрашаху, хотяще изгнати его. Овогда бо въ видѣ штатныхъ служителей являхуся и притворяху, аки бы обрѣли его, сказующе, яко архимандрить послалъ ихъ на его зыскание, и понуждаху съ собою въ монастырь ити. Но той егда крестное знамение творяше, они абие исчезаху. Овогда же въ различныя звѣри притворяхуся. Иногда аки птицы прилетаху, крагчуще страшными гласы, и многожды яко врани кричаху. Въ толикомъ же множествѣ иногда прихождаху злбнии врази, яко и воздуху помрачитися. Овогда же, попусциемъ Божиимъ, и бияху. Онъ же, вѣдый коварство ихъ, егда ощущаше приходъ ихъ, абие помѣташе себе предъ Богомъ, прося помощи и заступления. Соблюдаше бо себе, да не повредятъ ума его воплемъ своимъ, то есть, да не отвлекутъ от молитвы. А иногда яко воинство ополчающееся видяше, иже топоть творяху и устрашаху отшелника. Той же, воздѣвши руки своя, глаголаше къ Богу: «Прибѣжище мое и радости моя, избави мя от обышедшихъ // мя!» л. 49

По семь прииде ему желание видѣти иныхъ рабовъ Божиихъ, сокровенно Богу работающихъ, и моляше Господа и Пречистую Его Матерь и преподобныхъ отецъ Зосиму и Савватиа, да возможесть обрѣсти и наставитися от истинныхъ подвижниковъ Христовыхъ. Къ тому же еще надѣяся узрѣти искреннѣйшаго ученика своего, боголюбивѣйшаго Климента.

Изшедъ убо из келлии, хождаше во внутреннихъ Соловецкаго острова, хотя обрѣсти желаемое, и показаниемъ Божиимъ обрѣте двухъ рабовъ Христовыхъ пустынножителей, во единой келлии семь лѣтъ живущихъ. У нихъ же преночевая, видѣ чинъ моления ихъ таковой: о полунощи въ глубокомъ мракѣ воставше, егда начаша молитвы своя приносить въ немерцающемъ свѣтѣ живущему Богу, единъ убо поклоны творяше, другой же, руцѣ на высоту и очи горѣ воздѣвши, въ боговидѣние простирашеся, моля о себѣ и о братѣ своемъ. Таже премѣняхуся: иже поклоны творяше — той, ставъ, руцѣ и очи къ Богу, на Небесѣхъ живущему, возвождаше, сей же наченъ поклоны творяше. Сиче святая // оная двоица молитвы своя возношаше Богу, единому въ Троицѣ: оный убо дѣяниемъ, сей же видѣниемъ служащи.

Тако довольно Феофанъ ходивъ, но ученика своего Климента не возможе обрѣсти — и помышляше его уже скончавшася. Единою изшедъ, ходя по острову, внезапно срѣтеся съ нѣкими людьми, иже послани быша на взыскание его. Тии, емше его, отведоша въ монастырь и архимандриту представиша. Онъ же съ заклинаниемъ увѣщеваше его, глаголя: «Да не изыдеши въ пустыню, дондеже азъ живъ! И не буди тебѣ на сие благословения».

По семь нѣколико ему во обители пребывшу, посланъ бысть въ городъ Суму на монастырское подворие назирать оное, и ходящия лоды на Мурманския монастырския ловли пищею и денгами снабдѣвать, и прочия прилучающыяся дѣла исправлять.

Пребывая старецъ Феофанъ въ Сумѣ, видѣ во градѣ плотское беззаконие, и от соображения со строптивыми омраченъ бывъ, прелстився, паде и ослабѣ от прежняго подвижнаго своего жития. Дияволь бо, иже прежде от него побѣждаемый, егда видѣ удобнѣйшее къ его низложению время, // абие запя ему стопы от благочестиваго течения.

И пребывъ въ городѣ Сумѣ три лѣта и полъ, въ нерадѣнии пребывая, по семь посланъ бысть въ городъ Архангелскъ муку, масло, крупы и прочия жита на пищу и иныя разныя потребныя для монастыря вещи закупать. Идѣже неколико разъ ѣздившу ему, егда послѣ Иеронима наста архимандритъ Герасим, той постави его икономомъ быти во обители.

Пребывающу же ему въ службѣ икономской едино лѣто, случися вещь сичевая: звонарь обители Соловецкия прииде единою къ нему и рече: «Отче Феофане, ученикъ твой и богомолецъ Климентъ кланяется тебѣ и проситъ благословения». Онъ же, сие слышавъ, ужасеся и рече: «Егда возлюбленный мой Климентъ живъ есть?» Звонарь же рече: «Ей, отче, живъ есть и подвизается о спасении души своя». Тогда нача Феофанъ вопрошати его, како и гдѣ видѣлъ его. Той же нача повѣдати сиче:

Бывшу мнѣ, — рече, — въ Анзерскомъ скиту, таже шедшу на Голгофскую гору.¹³ // Оттуда же возвращаяся, снисдохъ съ пути брати ягоды и, заблудившися, потеряхъ путь ко скиту, и пребыхъ, блуждая по острову, два дня. Въ третій же день узрѣхъ дымъ въ горѣ и возрадовахся, надѣясь тамо обрѣсти раба Христова, вътайне Богу работающаго. Шедъ убо азъ къ горѣ оной, узрѣхъ малу скважню,

¹³ На нижнем поле л. 50 читается поясняющая сноска, отмеченная, как и в тексте, редакторским значком: «Голгофа гора Божиею Материю названа 1713 года, въ явлении преподобному Иисусу Голгофскому, рече бо: “Сия гора наречется вторая Голгофа Сына Моего”. Отстоять от скита три съ половиною версты».

въ нюже влѣзь, обрѣтохъ дверь келлии, идѣже сотворихъ по обычаю иноческому молитву и рекохъ: «Благослови». Абие отвѣща ми нѣкто: «Аминь». Вшедшу же въ келлию, узрѣхъ раба Божия, мертвеца подобие носящаго, и по молитвѣ поклонихся ему. Онъ же повелѣ мнѣ сѣсти и рече: «Не ты ли еси звонарь имярекъ?» Азь же рѣхъ: «Азь есмь. Ты же како мя знаеши?» Онъ же отвѣща: «Вѣдал ли еси, брате, у отца Феофана въ просфорнѣ бывша ученика Климента? Се азь есмь».

Тогда звонарь позна его и нача вопрошати, глаголя: «Повѣждь ми Господа ради, како сѣмо пришель еси?» Пустынножитель же нача повѣдати сице:

«Изшедшу мнѣ тайно во второе из обители, еже слышавъ архимандрить Иеронимъ, оскорбися зѣло и посла многихъ из монастыря по острову // иска- л. 51
ти мя. Азь же, слышавъ сие от солдата, иже посылаемъ бываше ко мнѣ от отца Феофана, яко мнози суть послани на взыскание мое, возьмъ мѣшець съ сухарями, идохъ къ морю на Двинской Наволокъ. Пришедъ на берегъ, обрѣтохъ три бервна и, сотворши малый плотикъ, отступихъ от берега въ море, зывая Христа:

“Владыко Господи Иисусе Христе, Боже мой! Ты всѣи все предложение мое, яко Тебѣ единому работати хотя, бѣгаю прелестей мира сего. Аще хощещи на семь островѣ спасти мя, то удержи мя здѣ. Аще ли индѣ гдѣ назнаменуеши мнѣ мѣсто, неси мя тамо. Аще же паки не хощещи моего покаяния, убо потопи мя во глубинѣ сей, точию да не поработаю страстемъ моимъ. Молю же Тя, Владыко, не лиши мя, грѣшнаго, Божественнаго Твоего Промысла, и да будетъ во всемъ воля Твоя!”

Такъ помолившись, начахъ поступати далѣе, во глубину гребя прилучившимся весломъ,¹⁴ вѣтру поносну несущу мя. И Божиимъ пособиемъ преплыхъ салму къ Анзерскому острову. Изшедши на берегъ, воздахъ благодарение Господу и поидохъ внутрь острова, ища сокровеннѣйшаго для // обитания мѣста. л. 51 об.
Егда же сѣмо приидохъ и видѣхъ мѣсто сие, для уединения удобно, сотворихъ хижину сию и живу въ ней се, якоже видиши мя, шестое лѣто въ безмолвии, работая единъ единому и от всѣхъ небесныхъ чиновъ и святыхъ душъ покланяемому Богу».

Звонарь, сия слышавъ, умилися и паки вопроши: «Повѣждь ми, отче, чимъ питаешися? И не стужаютъ ли тебѣ нечистии бѣси страхованіями своими?» Онъ же, показуя рукою во уголь своя пещеры на корение, вакха зовомое, иже растеть во езерахъ, и рече: «Сие истираю аки муку, и съ толченою березовою корою смѣсивши, творю хлѣбцы, и сими питаюся, славя челоувѣколюбца Бога. О стужении же бѣсовствѣмъ вопрошаеши, се повѣдаю ти:

Въ началѣ моего пришествія на островъ сей много претерпѣхъ страхований бѣсовскихъ, иже приходяще аки разбойницы и биюще, глаголаху: “Чесо ради сѣмо пришель еси? Изыди отсюда, из пустыни, и иди въ миръ. Аще же ни — то поне въ монастырь. Аще же не изыдеши, то, паки пришедше, убиемъ тя”.

Иногда же прихождаху во множество звѣрей, иже испущаху нелѣпныя гласы и, устремляющеса // на мя, абие пожрети хотяще. Овогда же яко змии ползающе, пискания творяху и огонь из устъ своихъ испущаху. Иногда же змиевъ наползаху въ келлию толико, яко не мощно мнѣ от множества ихъ и поклоновъ твори- л. 52

¹⁴ На правом поле листа против слова весломъ читается пояснение, сделанное той же рукой: древцемъ.

ти. Не терпя врагъ поста моего: единою, въ тонцемъ снѣ бывшу мнѣ, приползѣ въ видѣ змия и обвися около шии моя. Скверную же главу свою соваше во уста моя, глаголя: «Гладень еси, се насытися!» И сице многия претерпѣхъ диавольския напасти, брася съ бѣсы».

По семь вопроси мя пустынникъ: «Живъ ли отецъ мой Феофанъ? И како пребываетъ?» Азь же рѣхъ: «Живъ, и нынѣ закупнымъ естъ». Онъ же, сие слышавъ, удари въ перси руками своими, и паде на землю, и восплакася, глаголя: «Увы мнѣ, смиренному, не яже хотѣхъ услышавшему! Горе мнѣ! Како паде наставникъ мой и столпъ утверждения моего! Не глаголи мнѣ, яко живъ: живъ убо тѣломъ, душею же — увы! — умре».

По семь рече мнѣ: «Возвѣсти ему, брате, Господа ради, болѣзнь мою, услышавшу сие, и рцы, яко уже погибаетъ. И гдѣ его первое подвижническое житие? л. 52 об. Гдѣ его ревность // къ добродѣтелямъ? Гдѣ его намѣрение къ пустынному житию? Се вижду: и нынѣ подвижницы подвизаются и вѣнцы приемлють, а онъ, посреде мира и прелестей сый, аки в блатѣ увязнулъ естъ! Повѣдай же ему, брате, и сие, яко три онии пустынножители, ихже отецъ Иоаннъ казначей видѣлъ, подвигъ свой совершивше, съ миромъ о Господѣ скончашася, и азь погребохъ ихъ своими руками».

В сицевой [глаголетъ звонарь] душеполезной бесѣдѣ препроводихъ всю ночь ону. Воутрие же, отходя, поклонихся рабу Божию и просихъ благословения и святыхъ молитвъ. Онъ же рече: «Богъ, брате, Егоже ради имени изшелъ еси изъ многмятежнаго мира сего, да сподобить тя пожити достойно звания сего, в немже нынѣ пребываеши. Спасая спасай душу свою и потщися избыти прелестей мирскихъ, понеже тыя многихъ оболстиша».

Старець же Феофанъ, вся сия поряду от звонаря слышавъ, сокрушился сердцемъ, зря въ таковыхъ подвижѣхъ ученика своего пребывающа, себе же л. 53 уже погружаема въ // грѣховнѣмъ блатѣ и готова суща въ снѣдѣ душетлѣнному змию. Таже Богу душу его согрѣвающу [не хотяй бо смерти грѣшникомъ Господь не презрѣ прежнихъ добродѣтелей его], даде ему мысль покаяния: нача помышляти, киймъ бы образомъ умилостивити Бога и привлещи милосердие Его.

Архимандрить же, тогда бывший, Герасимъ нача притѣснение творити ему, Богу полезная строящу. Феофанъ же весь на промыслъ Божий возложився, усмотривъ время удобно, вземъ малый карбасъ и хлѣба, и отплы въ море, хотя уллучити нѣгдѣ въ Поморие, идѣже никтоже о немъ увѣсть. Знаяше бо, яко на Соловецкомъ островѣ скрытися неможно бываемыхъ ради гонений и поисковъ на пустынниковъ.

Пловущу же ему, въначалѣ вѣяше вѣтръ тихий, таже воста буря велика и море восколебася зѣльными волнами. Старець же Феофанъ, видя пред очима близъ сушую смерть свою, моляшеся Богу, глаголя: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, углѣбшаго въ тимѣнии дѣлъ моихъ! Ты вѣси, яко Тебе ради вдахся волнамъ симъ. Ты вѣси предприятие мое, яко покаяния ища, на сие изыдохъ. л. 53 об. Молю милосердие Твое, даждь // ми время покаятися Тебѣ! Се бо вижду, яко волны стремлениемъ своимъ смертию претягъ мнѣ. Ей, Человѣколюбче, да не потопить мене буря водная, ниже пожретъ мене глубина, ниже сведеть въ ровенникъ диавольский, во уста Адова душу мою, неготову сушу!»

Сиче моляшеса, дондеже силы не ста. Волнамъ же сильно свирѣпѣющимъ, яко не мощи ему ни парусу держати, ниже веслами гребсти, паде посредѣ карбаса аки мертвъ, присно чая абие волнами покрыту быть. Чесо ради велми изнеможе — ово от неядѣния, ово же от страха морскаго. И сиче носимъ бысть десять дней. По семь изверже его буря на брегъ, сущий между Кемью и Сорокою, идѣже, почувствовашися, изыде на брегъ и, доставъ огня, согрѣся, благодаря Бога, от чаемья смерти его избавлшаго. И паки моляше Бога, да покажетъ ему мѣсто, на немъже бы спастися могъ.

По малѣ убо времени прииде ту земледѣлецъ нѣкий и вопросы его, чесо ради сѣдя плачется. Феофанъ же повѣда ему намѣрение свое и моляше его, да ведеть его нѣгдѣ въ глубочайшую пустыню, мало кому вѣдомую. Той же, боголюбивъ сый, // отведе его въ далняя лѣса и показа ему малую хижицу. И тако Феофанъ водворися ту. л. 54

Врагъ же, хотя препятие сотворити крѣпкому начинанию его, наведе на него нѣкихъ челоуѣковъ. Тии, емше, отведоша его исправнику, а оный въ городъ Кемь отведе, и посади его вмѣсто тюрьмы въ нѣкий домъ въ подполии, и стражу пристави, хотя его при случаи послати въ Соловецкий монастырь. Феофанъ же, сѣдя тамо, моляше Бога, да имже вѣсть образомъ избавить его оттуду, глаголя: «Господи, имиже вѣси судьбами изведи отсюду душу мою — исповѣдатися имени Твоему!»

По семь видѣ стрегущаго, въ полунощи заснувши во дверехъ храмины, абие тихими стопами изыде из подполия и бѣжа въ лѣсъ во единой срачицѣ. Бѣгущу ему лѣсомъ, внезапно найде на нѣкихъ людей. Тии же начаша вопрошати его, кто есть и камо идеть. Старецъ же ничто ино отвѣщеваше, точию — спастися хотя, пустыннаго мѣста ищеть. И моляше ихъ, да ведуть его въ сокровеннѣйшее мѣсто, идѣже бы никтоже могъ обрѣсти его. Они же, умилосердившеса, облекоша его худымъ рубищемъ, накормиша и напутствовавше его пищею, отвезоша // по рѣкѣ вѣверхъ тридесять верстъ и болѣе. И, показавше звѣроловную хижину, оставиша тамо. л. 54 об.

Пустынникъ же паки нача, ту пребывая, простиратися на болшия подвиги во всякой скудости потребныхъ. Но еще начало болѣзнемъ: диаволь бо видя, яко не возможе первымъ своимъ коварствомъ премѣнити намѣрение страдалца Христова, вооружися второе тѣмъ же образомъ: устрой бо нѣкимъ звѣроловцѣмъ обрѣсти его. Тии, узрѣвше его, познаша, яко монахъ Феофанъ есть, бывый иногда Соловецкаго монастыря закупной, помыслиша въ себѣ, яко, бѣжавъ из монастыря, денегъ съ собою много изнесе, и начаша вопрошати его, истязующе, да повѣсть имъ о денгахъ. Оному же глаголющу не имѣти, они абие възярившеса, келлию сожгоша, самого же велми мучиша: въначалѣ биюще допрашиваху, по семь на огни жгоша.

Таже, диаволу ихъ на денги поощряющу, умыслиша умертвити раба Божия, ищуще чесо не имѣяше: прорубиша бо во езере проруби и, продѣвше вервь, провлачаху страдалца под лдомъ из единыя проруби въ другую, истязующе его, яко да повѣсть, гдѣ сокры денги. Аще ли не повѣсть, // то грозяху или въ монастырь отвести, или въ езере потопити. Обаче ничтоже успѣвше, отидоша тщы, оставше полумертва пустынника. Онъ же, мало почувствовавъ, благодаря Бога, сичевую напасть на него попустившаго, достойна помышляя и болша л. 55

сихъ за грѣхи своя терпѣти. За враговъ же своихъ моляшеся, да не вмѣнитса имъ то биение ихъ во грѣхъ.

Таже едва воста, весь избить, опалень и измерзшъ, и видѣвъ хижину свою сожжену, малую же пищу и нѣкия орудия, от боголюбцевъ оныхъ данныя, пограблены, възрѣвъ на небо и рече: «Ты, Господи, зриши болѣзнь сию, сего ради остави вся грѣхи моя. Ты вѣси предложение мое, яко Тебе ради изыдохъ въ пустыню сию. Ты видиши всю напасть мою, яко не имамъ, чимъ нынѣ препитати грѣшное тѣло мое. Молю убо милосердие Твое: помози мнѣ, окаянному, въ конечнѣй бѣдѣ сей сущему. Уне¹⁵ же ми есть здѣ умерети въ пустыни сей, нежели возвратитса на прежняя грѣхи моя». И паки глаголаше: «Умру здѣ, аще воля Божия есть. Силенъ же есть Владыка укрѣпити немощь мою и кромѣ иныхъ пособия живу быти мнѣ». И, // тако укрѣпився, иде на другое мѣсто. И нѣкиимъ образомъ доставъ огня, собра дровъ и таяше землю. Таже талое ово тупою сѣкирою, ово же руками разгребаше и паки таяше. И сиче съ великимъ трудомъ ископавъ пещеру, нача жити въ ней.

Каковыя же здѣ понесе труды, каковыя болѣзни, паки каковыя от бѣсовъ претерпѣ напасти — никому не вѣдомо, точию единому Богу, Егоже ради пресвятѣйшия любве вся усердно съ благодарениемъ терпяше. А паче всего въначалѣ, зимѣ сушей, ни хлѣба имѣяй, ни потребнаго орудия на копание и сварение корений и травы, но точию гнилое древо и мохъ собираше и, траву и корение кое-либо обрѣтши, сваривъ, ядыше. Посуда же на варение [аще и невѣроятно нѣкиимъ возмнитса] бересто бяше.

Толико же от зѣлнаго глада и необычныя пищи изнеможение и болѣзнование ему бываше, яко множицею на день мнѣтса близъ смерти быти, еже послѣди повѣда, глаголя: «Егда въ первую зиму хлѣба не имѣхъ, но точию гнилое древо и мохъ и приключившуюся траву. Гладомъ же одержимъ зѣльнымъ, сию // егда хотѣхъ во уста вложити, то утроба не приемляше. Понуждающе же себе, егда внутрь приемляхъ, абие болѣзнь всего одержаше, яко множицею падати ми на землю, и мнѣхся — абие духъ испустити. И възрѣвши горѣ, глаголахъ: “Господи, приими въ мирѣ духъ мой, яко не могу болѣе живъ быти”. Таже помалѣ оущахъ въ себѣ нѣкую теплоту и радость. И, воставши, молихъ Бога, да укрѣпитъ немощь мою. И сиче иногда до пяти разъ на день случашеся ми».

Таковыя суть болѣзненныя начатки блаженнаго Феофана, яко сбыватса словеси пророка: «Внегда исчезати от мене духу моему, и Ты, Всевидче, позналъ еси стези моя». И сиче Богъ раба своего въ конечнѣй скудости укрѣпляше, тако во мнозѣмъ терпѣнии препроводи многоболѣзненную зиму ону. Лѣту же пришедшу, изготови корения вакхи, собра себѣ моху и ягодъ различныхъ. И пребысть, сичевою пищею питаеся, пять лѣтъ, никомуже вѣдомъ. Чесо ради и зубы его испадоша от вредящия травы.

По прошествии же сего времени увѣдаша о немъ нѣцыи боголюбивии поселяне: аще и сами // гладни бяху, обаче потребная ему приношаху. По семь пустынникъ, не хотя въ праздности сидѣти и чуждымъ хлѣбомъ тунѣ питатися, самъ землю изчистивъ, копаше и сѣяше рожь и ячмѣнь. Господь же благословляше труды раба своего, малое бо сѣяние его гобзователно растяше и даже до избытка ему бываше, яко иногда нѣкиимъ въ скудости займовати у него. И сиче

¹⁵ На правом поле листа против слова уне той же рукой проставлена поясняющая помета: лучше.

малу ослабу гладу своему прия, обаче присно алчбою и жаждою и бдѣниемъ себе томяше.

Трудъ же его яко единъ день въ все оное время бяше: во дни убо землю копаше и ино яже о келлии дѣлаше, избывшееся же время въ чтении и молитвѣхъ препровождаше. Въ нощи же паки многи поклоны творяше и псалмы Давидовы или акафисты чтяше. Правило же исправляше великаго Пахомиа, си есть: двѣ тысячи четьреста молитвѣхъ съ поклонами. И сиче преживе на брегу двадесять четьри лѣта.

Къ концу же пребывания его тамо прииде къ нему диаволь во образѣ Кемскаго протопопа и нача ему поносити, глаголя: «Доколѣ, здѣ пребывая, намъ досаждаеши, уча приходящихъ къ тебѣ? Кътому не потерплю тебѣ, но вскоре имамъ // тя отсюду изгнати!» Послѣ сего, по прошествии трехъ дней, прииде къ нему соловецкий иеромонахъ Иосифъ и, взявъ его оттуду, привезе в Соловецкий монастырь, 1817 года, при архимандритѣ Паисии. л. 57

Приключися старцу приѣхати во обитель въ нощи. И егда бысть утреннее славословие, иде пустынный Феофанъ въ церковь преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватиа и приложився къ святымъ мощамъ ихъ, стояше умилень, внимая пѣнию. Имѣ же старецъ на себѣ образъ странень: самъ бывъ росту малаго, во одежду облечень краткую, весь от дыму очернѣвший, камилавку носяй ветшайшую, и вся одежда рубищная. К тому же обычай имѣ всегда чернымъ флеромъ покрыватися для удобнѣйшаго себя соблюдения, яко да не помрачается умъ зрѣниемъ и да не видитъ инѣхъ, ниже иными хотяше видѣнь быти. И сичевъ сый, стояше въ церкви.

Архимандритъ же Паисий въ той часъ прииде въ церковь и, смотря нѣкихъ, узрѣ челоука, странный образъ имущаго, приступи къ нему и вопроси его, кто есть и откуда. Оному же не отвѣщающу, паки рече: «Кто ты еси?» Оному же паки молчашу, // рече со гнѣвомъ архимандритъ: «Духъ ли ты или челоукъ? Почто не отвѣщаешь?» Тогда старецъ рече: «Слышиши ли, что поють?» Архимандритъ же рече: «Слышу. “Богъ Господь” поють». Паки странный рече: «Се поють “Богъ Господь и явися намъ”, а мы должны, срѣтая Господа, со страхомъ и боязнию реши: “Благословенъ грядый во имя Господне”, а не празднословить». И паки, присматриваяся къ нему, рече: «Не ты ли отецъ архимандритъ?» Оному же рекшу: «Азь есмь», паде абие пустынный на нозѣ его и рече: «Прости мя, отче святой, Господа ради! Азь не вѣдѣхъ, яко архимандритъ ты еси. И благослови!» И тако онъ благослови его. л. 57 об.

Мало поживши старецъ Феофанъ въ Соловецкомъ монастырѣ, отпушенъ бысть на Анзерский островъ, на гору Голгофу, и преживъ на ней три месяца, дондеже ину келлию ему поставиша. Обаче нечистии бѣси ни тамо оставиша его. Увѣдѣвше бо сущии по брегу поморстии люди, яко пустынный ихъ Феофанъ взять есть от нихъ в Соловецкий монастырь и находится въ Анзерахъ на Голгофѣ, сии, егда бываху въ Соловецкомъ монастырѣ, приходяху и къ нему на Голгофу, скорбяще, // нѣцыи же и плакаху, яко отиде от нихъ. Мнози бо люди поморстии, паче же сущии въ Кемѣ, имѣяху ко старцу Феофану велию вѣру и усердие и яко своего духовнаго отца любяху. И аще бы возможно было и старецъ самъ восхотель, то абие, взявши тайно, увезли бы паки на прежнее мѣсто, сущую въ Помории пустыню. л. 58

Симъ тако посѣщающимъ, пронырливии бѣси во образѣ знаемыхъ оныхъ поморцевъ хотяху, поемши пустытника, въ мори погубити. Тѣмже прихождаху къ нему, аки бы скорбяще и сѣтующе о отшествии его отъ нихъ, и моляху старца, да не оставляетъ ихъ, но да идетъ съ ними, и яко ничтоже ему тамо [глаголаху нечистии] скудно имать быти. Иногда же прихождаху аки церковники, власы имущи сплетены въ косу и сложены въ пучекъ. Сии совѣтоваху ему ити на брегъ, яко здѣ, глаголаху, много имать быти отъ монастырской братии скорбей. И прочими ухищренми тщахуся коварнии дуси искусити пустытника, обаче, Богу раба своего соблюдающе, ничтоже успѣша. Старецъ бо въначалѣ помышляше быти ихъ истинныхъ // *л. 58 об.* // человекъ и знаемыхъ, не соизволяше имъ. Егда же они нуждаху его, тогда изгоняше ихъ изъ келлии, иеромонаху же Иосифу [иже иногда приходя на Голгофу, въ другой близъ бывшей келлии живяше] жаловашеся. Таже видѣ сихъ мнимыхъ поморцевъ, безъ молитвы, иногда же — затвореннымъ сущемъ дверемъ, входящихъ, таже отъ знаменія крестнаго исчезающихъ, позна, кто суть, и соблюдаше себе опасно.

А прежде сего и самъ преждереченный Иосифъ иногда слышаше старца, въ келлии своей со гнѣвомъ къ нѣкимъ вѣщающа: «Отидите, отидите! Почто сѣмо приидосте? Азъ не требую совѣта вашего!» — и, пришедъ къ нему и никогоже обрѣтъ, вопрошаше: «Съ кѣмъ бесѣдова, единъ сый въ келлии?» Онъ же отвѣщеваше: «Онъсица, или сий имярекъ быша у мене. И смущаютъ мя, не попушающе правила исполняти». Сиче пребывая пустытникъ, присно борящеся съ лукавыми бѣсы.

Пребывшу же ему на горѣ Голгофѣ токмо три мѣсяца, а понеже старецъ Феофанъ уже состарѣвся, бывъ седмидесяти осми лѣтъ, егда съ берега изъ пустыни въ Соловецкой или // *л. 59* // въ Анзеры на Голгофу прииде, того ради не можаше самъ воды или дровъ на гору носити, немощенъ сый. Но и гора высока есть, чесо ради той же есени поставиша ему въновь пустынную келлию вънизу подъ тою же горою Голгофою, и тако нача ту жити. Но и здѣ коликия претерпѣ болѣзни, коликия сотвори тѣлесныя подвиги, коликия понесе отъ нѣкихъ досады! Коликия же паки претерпѣ отъ бѣсовъ страхованія, биенія и напасти, яже абие услышимъ.

Вселися пустыннолюбный Феофанъ подъ горою Голгофою въ началѣ зимы, а понеже и келлия она построена по есени, предъ снѣгомъ, изъ сырыхъ бревень, рубленыхъ прямо съ кореня, къ сему же и кора не очищена бысть, того ради по истоплении печи угараше велми и множицею падаше на землю, аки мертвъ. И аще бы не Господь содержалъ въ немъ духъ, абие умерлъ бы. Но обаче отъ сего зѣло болѣзноваше главою и всѣхъ членовъ разслаблениемъ, ни хлѣба ясти могъ, ниже обычнаго правила своего // *л. 59 об.* // совершити.

Продолжися же угаръ оный во всю зиму даже до весны, яко отчаятися ему и жизни. Лукавии же бѣси зѣло налегаху на него, хотяще изгнати оттуду пустытника. Еще же къ болѣзнемъ его и скорбь прилагаху: прихождаху бо къ нему, главою болѣзнующему, въ бубны и тимпаны ударяюще, руками плещуще и ходяще округъ келлии его, въ стѣну и окны келлии биюще. А егда правило свое хотяще сотворити, тогда бѣси наипаче налегаху на него. Иногда же, аки воинство строй творяще, въ музыку играюще, прихождаху, кознствующе отвести умъ его отъ молитвы. Обаче, Богу соблюдающе раба своего, ничтоже въ злобѣ своей успѣваху и, ярящеся, отхождаху тшы.

Сие подвижникъ Христовъ пребысть, подвизаяся противу начальника злобы Филузера и его помощниковъ, сущихъ духовъ злобы поднебесныхъ. А понеже о правилѣ помянухомъ, речемъ о количествѣ онаго.

На всякое нощенствие совершаше подвижный Феофанъ преждереченное великаго Пахомиа правило, еже есть дванадесять // молитвъ во дни и дванадесять въ нощи, си есть двѣ тысящи четыриста молитвъ сихъ: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грѣшнаго», к нимъже онъ поклоны прилагаше. А понеже здѣ, на Анзерскомъ островѣ, хлѣба не сѣяше и дрова не сѣкаше, якоже прежде, въ пустыни живый на берегу, старъ и немощенъ сый, сего ради нѣщии трудолюбивии послушники или богомолцы, приходяще из Соловецкаго монастыря, нуждныя его дѣла сотворяху. За сие пустынникъ прилагаше за питающихъ и служащихъ о здравии шесть лѣствицъ, или, яснѣе рещи, шестьсотъ поклоновъ. Къ сему же еще сотворяше шесть лѣствицъ за усопшую братию Соловецкаго монастыря и за иныхъ, иже ему благотворяху.

Исполняшеся все правило его на всякое, якоже речеся, нощенствие три тысящи шестьсотъ поклоновъ. Прочее же избывшее время провождаше, ово акафисты чтяше и каноны и молитвы, аще коему святому восхотѣвъ, глагола. Иногда исповѣдание святаго Димитриа Ростовскаго, егоже онъ любяше, чтяше. Овогда же Божественное Евангелие и Апостоль, еже на всякъ день обычай имѣ, // нѣколико главъ прочитоваше. Овогда от Псалтири кафизмы или дванадесять псалмовъ глаголаше. А иногда въ чтении отеческихъ книгъ, якоже святаго Иоанна Лѣствичника, юже любяше, или Ефрема Сирина, аввы Дорофеа и иныхъ, упражняшеся. И бѣ видѣти его въ сицевыхъ дѣлѣхъ присно пребывающа, празденъ же никогда отнюдъ не бысть. Сего ради тѣломъ всегда немоществуя и стѣня видяшеся.

Такъ блаженный отецъ нашъ Феофанъ виденъ бысть, под горою Голгофою подвизающийся: присно умерщвляя плоть свою и покаяря ю духу, душу убо животворя, умъ же богомыслиемъ и боговидѣниемъ просвѣщая. Въ болѣзньхъ же оныхъ и горестѣхъ услаждаше себе размышлениемъ пречистыхъ страданий сладчайшаго искупителя Иисуса. Приходящымъ иногда из монастыря братьямъ, и немощи свои, и сласти исповѣдающымъ, нѣкиимъ же вопрошающымъ, можно ли на утѣшение монаху вино и чай пити,¹⁶ глаголаше:

Отцы святии, како мы, изшедши на взыскание вѣчныхъ благъ, хожемъ и спасение получить, // и страсти своя исполнити? А Господу глаголющу: «Горе вамъ, насыщении нынѣ, яко взалчете!» Воздержавшихъ же ублажающе: «Блажени алчущии и жаждущии!» И апостоль: «Плотоугодия не творите въ похоти!» Святыи же Иоаннъ Лѣствичникъ глаголетъ: «Хлѣбъ тѣло укрѣпитъ, и вино веселитъ челоуѣка. Ты же, иноче, плакати и скорби терпѣти обѣщався еси, а не веселитися».

Воззримъ на сладчайшаго Владыку нашего Иисуса Христа: той егда спасение наше содѣлова, коликия [сие глаголя, слезами обливашеся] претерпѣ мучения: биение, оплевание, оклеветание, поругание, въ темнице затворение, послѣди же на Крестѣ распятие. И егда уже во истощании силъ тѣлесныхъ бысть,

¹⁶ Против этой фразы на правом боковом поле л. 60 об. почерком той же руки проставлена помета: Чай. Такие пометы и в дальнейшем неоднократно встречаются на полях рукописи против соответствующих сюжетов.

проси пити, рекъ: «Жажду», — тогда чесо прия? Киихъ сладостей напися? Не текъ ли единъ от воинъ и, вонзе губу на трость, напаяше его оцтомъ с желчию? Се Спаситель нашъ жажду свою оцтомъ и желчною¹⁷ горестию утоли, а мы сладостраствуемъ!

л. 61 об. Тѣмже и подвижницы Его, якоже преподобный Паламонъ, егда близъ скончания своего зѣльною огневицею об'ять бысть, приходящымъ // къ нему братьямъ и молящымъ, да бы хотя малое нѣкое утѣшение сотворилъ тѣлу своему, — онъ не повинуся, но глаголаше: «Аще Владыка мой, стражда за меня горькия муки, егда возжаждася, горькия желчи и оцта вкуси, и святии Его мученицы, овии отрѣзание перстовъ, и рукъ, и ногъ, инии отсѣчение главъ, нѣцци же огненное зжение даже до конца крѣпко претерпѣша ради Бога, въ негоже вѣроваху, — то какъ азъ восхошу малое мое терпѣние погубити, еже общахся Христа ради?»

Сиче истинный постникъ и подвижникъ, и въ zelной сый болѣзни, не измѣни постничества своего, но соблюдаше слово оно: «Плотоугодия не творите въ похоти!» А мы кромѣ нужды и прежде времени чай пьемъ — и не зазираемъ себе. Не доволно ли намъ общей трапезы, идѣже аки вельможамъ пища поставляется, на нейже сѣдяще, до сытости ядимъ и пьемъ? И, потребу исполнивше, чего еще треба? Но, пришедше въ келлию, и вмѣсто еже бы молитву творити, или отеческия книги читати, или, краткимъ сномъ тѣло подкрѣпивши, на иныя л. 62 богоугодныя дѣла упразднитися, въ молчании сѣдяще, — мы // же, плоти своей угождающе и сладострастие исполняюще, безъ всякия потребности занимаемъ пустошью. Паки глаголю: сваривше, пьемъ чай.

А еже горше, въ болшее бѣсу угождение, себѣ же во умножение грѣха и осуждение, призвавъ брата или двухъ, аки бы любве ради духовныя, — и, сошедшеся, пьютъ, продолжая время въ суетномъ празднословии: кто что видѣ, или кто что слышавъ о нѣкоемъ братѣ, абие повѣдаеть. Другий же, аще имать на кого кое-либо негодование, порицаеть, злословить, хулить, глаголя: «Онсица то и то содѣла, и сичевъ есть». Паки послѣдуя инъ и угождая, подтверждаетъ слышанное, рекъ: «Ей, тако есть». Инъ же, умышления своя являя, глаголетъ: «То и то куплю, или купихъ. Тамо хошу быти или онамо, на посѣщение святыхъ мѣстъ намѣрение имамъ отлучитися». И сиче суетная глаголя кийждо ко искреннему своему, развращаютъ единъ другаго. И кая польза монаху пити чай, рцы ми?! Самъ сущи долженъ от себя слезы источити. И кая се любовь братская духовная? Но, увы! — не точию духовная, но душегубная!

л. 62 об. Паки нѣкимъ братьямъ, слово реши на // пользу просящымъ, глаголаше: Аще мы, монахи, изыдохомъ изъ мира ради спасения души и на взыскание вѣчныхъ благъ, — оное же спасение безъ подвига не бываетъ и безъ терпѣния горестей, скорбей, искушений и безъ понесения алчбы и жажды не обрѣтается. А мы всегда сладкихъ ищемъ, о несладкихъ же ропщемъ, безъ воздержания об'ядаемъ и опиваемся, о порученномъ же послушании и небрежемъ. Къ тому и диаволомъ введенный сокровенно обычаемъ исполняемъ безъ воздержания: чай пиюще, спастися хощемъ.

Ей, братие, не тако есть: невозможно бо не вкусившему горести обрѣсти сладости. Явѣ есть, яко забыхомъ себе: лучше бы намъ не познати пути спа-

¹⁷ В слове буква н испр. из и.

сителнаго, нежели, познавшим, по оному не ходити. Лучше бы намъ въ мирѣ жити, нежели, пришедши въ монастырь и бывши монахомъ, мирская творити. Полезнѣе было бы не общаватися, нежели общавшемуся не исполнити, истязану быти горцѣ. Уши имуще, не слышимъ Господа, во Евангелии глаголюща: «От устъ твоихъ сужду тя, лукавый рабе!» Се вижу, яко всякъ тщится и домогается мантии, // а яко по обѣтамъ имама истязани быти, того не разумѣемъ. л. 63

Азь же, братие [глаголаше пустынникъ], якоже нынѣ, разумѣль бы тогда страшное при пострижении въ мантию даемое обѣщание, отнюдь не постригся бы въ мантию, бояся грознаго истязания. Довольно бы мнѣ было, въ рясофорѣ постригшемуся и должная ряса дѣла сотворшу, хотя малое воздаяние получитьи, точию без осуждения быти. А нынѣ вижу прежде времени тщасихся, како мантию получитьи. Приемый же на ся аггелский образъ и обѣщание давъ самому Богу, еже бы кътому пребывая въ монастырѣ, работати Ему въ нищетѣ, алчбѣ и жадѣ и въ повиновении. Но мы абие вскорѣ забываемъ и живемъ прочее въ небрежении горше перваго. Но да не будемъ прочее таковии, но да потщится кийждо васъ положить начало благое къ дѣланию добродѣтелей, зане и мзда по мѣрѣ трудовъ от Бога нашего готовится. Возлюбимъ убо от всея души Господа, послужимъ Ему въ жизни сей въ смиреннии и кротости, во страхъ Его божественнѣмъ пребывающе. Самъ Господь глаголетъ: «На кого воззрю? — Токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ моихъ». //

Данныя вамъ от духовныхъ отецъ правила без упущения соблюдайте. л. 63 об.

Настоятелю¹⁸ яко самому Христу покаяйтесь.

Держитесь отеческихъ преданий и монастырскихъ уставовъ не нарушайте.

Въ срѣтении, братъ брату честь творяще, предворяйте поклонениемъ.

Въ келлию ближняго не ходите без нужды.

Послушание со тщанием и смирениемъ исправляйте.

Праздни же отнюдь не хотите быти, праздность бо всему злу научаетъ.

Въ церкви Божией со вниманиемъ и усердиемъ стоя, до конца претерпѣвайте и прочая вся послѣдования по чину исправляйте.

И аще от всея души подвигнитесь ради сладчайшаго Иисуса и мирския пристрастия отрините, то Господь просвѣтитъ сердечная очеса ваша, и, познавше бѣсовския¹⁹ сѣти, оставите гнусныя обычаи и страсти ваша. И тако Господи нашему Иисусу Христу угодивше, сподобитесь причтени быти съ начальными отцы нашими, преподобными Зосимою и Савватиемъ, во Царствии Его Небеснѣмъ, еже и буди вамъ получитьи.

Паки глаголаше:

Дивлюся нынѣшнимъ слабостемъ, и нерадению, и безстрашию, укореняющимся // въ братии. Како по своей волѣ аки мирстии пребываете, пьюще [паки глаголю] въ среды и пятки без потребности чай, иногда и прежде литургии, со скоромнымъ онымъ сахаромъ? Постъ разрѣшаете, безчестяще святые дни, въ честь Христовыхъ Страстей узаконенныя, — новоначалнымъ убо соблазнъ, себѣ же грѣхъ привлекающе. И бываете подражатели язычникомъ и нѣмцамъ, постовъ л. 64

¹⁸ Испр., в ркп. в слове пропущена буква я.

¹⁹ В слове буква и исправлена из а.

не имущимъ, от нихъже и обычай сей привниде. Чесого и азъ помню, яко прежде во обители не бысть.

По семь подвижный старецъ Феофанъ умоляемъ бысть от нѣкихъ двухъ рясофорныхъ иноковъ воспріяти от пострижения, прия ихъ, обаче съ тѣмъ, понеже обѣщашася, еже старецъ прошаше: еже не пити чай во все время иночества. И печашеся о нихъ, наставляя и поучая, яже подобаетъ творити инокомъ.

Единою, молящуся ему со слезами о духовныхъ своихъ чадѣхъ, да сохранени будутъ от диаволскаго искушения, внезапно ста бѣсъ близъ келлии единаго окна и рече: «Почто молишися о ученикахъ своихъ, злый старче? При тебѣ таковой // суть, но не всегда будетъ тако. Будетъ же время и наше». Старецъ же со дерзновениемъ и гнѣвомъ рече: «Лжеши, окаянный и проклятый псе! Христосъ мой не попуститъ вамъ сего».

По времени же нѣкоемъ, паки молящуся ему о оныхъ ученикахъ своихъ, прииде диаволь и рече: «Ты свое твориши, и азъ такожде. Обаче азъ единаго двѣма стрѣлами стрѣлихъ, другому же во ухо шепчу». Старецъ же, сие слышавъ, опечалися и плакаше. Таже, призвавъ учениковъ, истязавъ ихъ, обрѣте малая нѣкая прегрѣшения, исправи я.

Бысть во время оное, си есть 1818 года, при архимандритѣ Паисіи въ Соловецкой обители между братіею и настоятелемъ нестроение. Ученикомъ же вопрошающимъ: «Доколѣ пребудетъ такое смущение и кто по семь будетъ архимандритъ?», — отвѣща старецъ: «Врагъ, искуситель и клеветникъ братіи, диаволь, испроси на время искусити обитель и живущія. И сие есть искушение оно. Искушаеміи же нетерпѣливи быша, чесо ради и обитель претерпеть поношение на время, но вскорѣ молитвами преподобныхъ все // мимоидеть и будетъ то, аки бы не бысть ничтоже. Паче же болѣе прославится обитель». О началникѣ же рече: «Будутъ два архимандрита въ Соловецкомъ монастырѣ, подобны преподобнымъ отцамъ Зосимѣ и Савватию, и имуть управляти братію во смирении духа, въ простотѣ сердца и во мнозѣмъ терпѣнии, подвижающесе о спасении ближняго, а не якоже нынѣ. И тогда успѣютъ мнози». Вопрошающимъ же ученикамъ паки: «Увидятъ ли очи наши спасение оно?», — рече старецъ: «Узрите».²⁰ И умолча прочее.

Старецъ Феофанъ, нѣкогда искушая единаго от учениковъ обоихъ, вопроси, глаголя: «Чадо, егда молишися, како слагаеши персты своя?» Той же, сложивъ десныя руки первыя три перста, си есть: великий, указательный и средний, — а послѣднія два къ ладони приклонивъ, показа ему и рече: «Тако, якоже православная кафолическая греко-российская церковь содержитъ и учить». Паки старецъ: «Чесо же ради не стариннымъ двоеперстнымъ молишися, якоже во всемъ Поморіи и далее внутрь Россіи живущія молятся?» Отвѣща ученикъ: «Живущія въ Поморіи въ Архангелской // губернии, а наипаче въ Корѣлии болшая часть есть расколниковъ, потому они всѣ двоеперстнымъ сложениемъ и молятся. Также и в Россіи мѣстами, якоже въ Стародубѣ, на Вѣтовцѣ и во иныхъ многихъ городахъ отступившии соединения церковнаго, сущи расколници и матере своя [которая очистила ихъ прародителнаго грѣха, святыя Церкве] ругатели.

²⁰ В некоторых списках Пространной редакции читается: «Не узрите» (см., например: Епарх. 876, с. 98; Востр. 1109, л. 75 об.).

По всей же России сущии истиннии послушницы истинныя восточныя Церквѣ вси, якоже азъ, троеперстнымъ сложениемъ крестно молятся».

Тогда старецъ, покивая главою, рече: «Горе миру от соблазновъ! И бѣда живущымъ на земли от прелестниковъ, приходящихъ во одеждахъ овчихъ! Внутренняя же ихъ ядовитѣйша змиевъ лютѣйшихъ, ибо не тѣло тлѣнное, но бессмертную душу умерщвляетъ и погружаетъ во глубину адскую. Азъ же, чадо, егда быхъ на берегу въ Помории въ пустыни въ течении двадесяти трехъ лѣтъ, мнози прихождаху ко мнѣ пользы ради душевныя. Иногда же вопрошаху мя, можно ли ходить въ церковь, и яко крестъ двоеперстный истинный, и яко антихристова печать // есть, глаголаху, троеперстное сложение. Азъ же, видя ихъ въ л. 66
таковомъ закоснении, ожесточении и невѣжествѣ, двоеперстнымъ сложениемъ не возбраняхъ креститься, точию бы въ церковь ходили, помышляя: лучше хотя единого лишаются, да прочее приобретають, си есть — хождениемъ въ церковь, нежели отчуждениемъ погибнуть.

Ты же, чадо, блюдися расколовъ и ихъ послѣдователей. Расколы, суевѣрія и ереси на православную вѣру еще во времена апостолская воставали. Она явствуютъ от Послания божественнаго апостола Павла къ Коринфяномъ: “Первое убо, — говорить, — сходящимся вамъ въ церковь, слышу въ васъ распри сущыя, и часть нѣкую сихъ, вѣрую, се расколы! Буихъ же стязаний, и родословий, и рвеній, и сваровъ законныхъ отступай: се суевѣрія. Еретика челоуѣка по первомъ и второмъ наказании отрицайся”. Из сего видно, что и во времена апостолския ереси были. Ибо причину приводить, для чего должно быть ересемъ: “Подобает бо, — говорить, — и ересемъ въ васъ быти, да искуснии явленни бывають въ васъ”.

Были расколы, были суевѣрія, были ереси от временъ апостолскихъ и бывають даже до // сего дня. Но вѣра едина, и таяжде всегда была хранима л. 66 об.
у вѣрныхъ. Еретики и расколники страшныя воздвизали брани на православную церковь, да и нынѣ не престають. Обаче вѣра цѣла и невредима, яко роза между терниемъ, у всѣхъ искусныхъ вѣрныхъ осталась, остается и останется. Врата бо ада не одолѣють ей, по опредѣлению Всемогущаго.

Азъ, чадо, [глаголаше старецъ] егда жихъ въ Киевѣ, ни единого почти не видѣхъ во всей Малороссии молящагося двоеперстнымъ сложениемъ, развѣ иногда приходящихъ из России и молящихся симъ слышахъ. Когда же быхъ въ Молдавии у премудрѣйшаго и святаго старца аввы Паисиа въ Нямецкомъ монастырѣ, въ которомъ единомъ тогда было братии болѣе седми сотъ, въ нихъ было до десяти языковъ: тужеземцы молдоване, сербы, болгары, вѣнгерцы, гунцолы, греки, армяне, жида, турки и великороссийския, а болѣе малороссийскихъ. Они всѣ были от²¹ различныхъ странъ и языковъ, но вси единомудрствоваху о святѣй Церкви, и вси троеперстнымъ сложениемъ моляхуся. Двоеперстнаго же сложения нигдѣже въ тѣхъ странахъ // ниже слышашеса, точию л. 67
извѣстныя еретики армяне и новоявлшися въ России волнодумныя и своевольныя расколники».

Къ сему повѣда старецъ: «За недолгое время моего приходу въ Молдавию случися вещь такова:

²¹ Предлог от вписан над строкой.

Два купца богатяя, из России пришедшии, моляху старца Паисиа, да приметъ ихъ въ свою обитель. При семь обѣщаху вся своя богатства во обитель положить, точию да не возбранитъ имъ двоеперстнымъ сложениемъ молитися. Великий же старецъ, испытывая ихъ мудрование, обрѣте ихъ во всемъ послушны святѣй Церквѣ, точию разнствие въ двоеперстномъ сложении. А поже единъ бысть смиреннаго нрава и великое имѣлъ дарование в пѣнии, сего ради великий старецъ много печашеся о нихъ, дабы оставити въ своей обители. Бывшу же совѣту въ братии, не могоша рѣшити недоумѣние сие, послаша къ Константинопольскому патриарху, вопрошающе о вещи, како повелитъ. Той же отписа, глаголя: “Маль власъ смущаетъ все око. Маль квасъ превращаетъ все смѣшение. Мала искра великое рождаетъ пламя. И да не произыдетъ нѣкий // л. 67 об. вредъ обители, дондеже не раскауется, не прияти ихъ.”

Напротивъ же, ради послабления [глаголаше старецъ] пострада нѣкогда и Соловецкая обитель: по оклеветании бо и изгнании святителя Филиппа бысть смятение во обители. Вина же тому сия: посланнии от самодержца, пришедше во обитель, преклоняху многихъ из братии — ово дарами, ово прещаху изгнаниемъ, да скажутъ нѣчто на святаго мужа. И елицы согласишася, паче же принуждени бывше [аще и не мнози], творяху по волѣ присланныхъ. Мнози же противишася лщению истязателей, — тыя многия напасти и язвы и изгнания претерпѣша. Въ такое смутное время превозможе рука расколниковъ во обители, которыя, прежде без разсмотрения принятя, прикрывшияся ложнымъ своимъ смирениемъ, живяху въ пустыняхъ на островѣ, таже въ монастырѣ. Сии притворнаго ради благоговѣния поставляеми быша на вышшья послушания, время удобно уллучивше, и мало-помалу ядь своего мудрования во обители распростираша. Послѣди же, усилившеся, противишася принятию присланныхъ // л. 68 новоисправленныхъ // книгъ, и самому самодержавному царю Алексию Михайловичу, и патриарху Никону, котораго они злословятъ, якобы пременилъ крестъ и многая въ книгахъ, даже и вѣру».

1. Возражение ученика Феофанова на расколниковъ

О, безумныя расколники! О, новыя несмысленныя галаты! Кто васъ прелстилъ не покаратися истинной матери, греко-российской церквѣ? Не Никонъ васъ отвратилъ, но проклятый огнесожженный еретикъ Мартинъ арменинъ прелстилъ и сибирския: лжемонахъ Иосифъ Астомень, армянинъ Яковъ Лѣпихинъ и лжемонахъ Авраамъ Вѣнгерский, родомъ жидъ. Аввакумъ роспопа, Никита Пустосвятъ, извергъ Лазарь, Иванище и Данииль огнесожигатели — вотъ ваши прелестники! А по нихъ были и прочия, как и вы, преемники, а не святѣйший Никонъ патриархъ.

Разсудите сами: неужели Никонъ всѣ российския и греческия рукописныя // л. 68 об. и печатныя книги испортилъ, // крестъ троеперстный ввелъ и даже вѣру переменилъ? Неужели онъ Болгарию превратилъ, Сербию прелстилъ, молдовановъ и волоховъ оболстилъ, далматовъ и грузиновъ и аравовъ принять свои законы и обряды убѣдилъ? — Ей, лжа есть и прелесть! Вообразите, кто бы былъ такой сильной человекъ, который простеръ руку свою и испортилъ всѣ книги, сущия в монастыряхъ константинопольскихъ, иерусалимскихъ, въ двадесяти афонскихъ, въ горѣ Синайской, Кипрской и Пелопоннискій и прочия? Греки, будучи слѣпы

и глухи, паче же безчувственны, ему не противостояли, но повреждение его съ величайшимъ удовольствіемъ приняли?

Бысть по-вашему — такъ, что попортилъ онъ всѣ книги и прелстилъ грековъ. Но какъ могъ онъ прелстить всѣхъ прочихъ православныхъ христианъ различныхъ родовъ и языковъ такъ, что ни от кого никакой распри и противорѣчія не происходило? На какомъ языкѣ онъ проповѣдалъ или писалъ такъ, что всѣ православныя его послушали? Какимъ могуществомъ гласъ его прешель Азию, достигъ Африку, возшелъ на горы, вселился во всѣ монастыри, вкрался // въ мѣста пустынный, вопіялъ во всѣхъ градѣхъ и весѣхъ, преклонилъ толикія тмы темъ челоуѣковъ такъ, что они, оставивъ двуперстное сложение креста, приняли новое предание тремя перстами креститься и тѣмъ же образомъ благословлять? Кто, имѣя здравый разумъ, можетъ сему или повѣрить, или слушать, или вообразить? Не бессмысленное ли сие будетъ мнѣніе, а равно и невозможное дѣло? л. 69

Россиане православныя всѣ суть согласны и единодушны въ догматахъ, въ таинствахъ, въ церковныхъ чинахъ, и уставахъ, и въ книгахъ — не токмо между собою, но и со всѣми православными христианами, кои разствують отъ нихъ родомъ, языкомъ, державою, разстояніемъ, какъ мы о семъ прежде говорили: съ греками, грузинами, молдаванцами, болгарамы, сербамы, далматами, аравлянами, — но всѣ томужде вѣрують и тожде проповѣдують, едино духовное тѣло составляютъ, едину святую Церковь, еяже глава есть Христосъ. Зловѣрныя же христиане-расколники не толко съ православными россианамы и со всѣми прочими, другихъ родовъ и языковъ, въ догматахъ вѣры, въ церковныхъ чинахъ, и // уставахъ, и правилахъ не согласны, но и между собою не сходствують, а разныя составляютъ секты, которыхъ въ Россіи болѣе шестидесяти обрѣтаются, и вси другъ со другомъ борющыяся. Но гдѣ единство — тамо истина, гдѣ же раздѣленіе — тамо ложь. Истина едина есть, ложь же многообразна. л. 69 об.

Но довольно ложь расколническая изобличена, истина же Церкви явленна, какъ то: въ Дѣяніи на Мартина Арменина, Никонѣмъ патриархомъ въ «Скрижали», Иоакима патриарха въ «Увѣтѣ духовномъ», въ «Жезлѣ правления», святителя Димитрія Ростовскаго въ «Розыскѣ», Питирима Нижегородскаго въ «Обилной пращицѣ» и премудрейшаго грека архиепископа Астраханскаго Никифора въ «Отвѣтахъ на Соловецкую челобитную». Естли же еще сихъ доводовъ мало вамъ видится и естли ни тѣмъ православнымъ, которыя приходятъ въ Россію, вѣрить хотите, то пошлите для обозрѣнія [какъ говорить архиепископъ Никифоръ] своихъ вѣрнѣйшихъ въ Грецію, Болгарию, Сербию, Далмацію, Валахию, Молдавию, Грузию, Палестину, Антиохию, Александрию, въ Афонскую и Синайскую гору, въ монастыри и скиты Иерусалимскія, во всѣ части Азии и // Африки, гдѣ суть православныя христиане, — во всѣхъ сихъ мѣстѣхъ обрячете всякаго рода и состоянія православныхъ, крестящихся троеперстнымъ сложениемъ, и васъ о семъ силнѣе, можетъ быть, увѣрять. л. 70

О семъ довольно, но обратимся на предлежащую повѣсть.²²

Нѣкогда пустынный Феофанъ прииде въ Соловецкій монастырь на поклонение честнымъ мощамъ преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія,

²² По верхнему полю л. 70 той же рукой в качестве колоннитула написано: «Паки о Феофанѣ».

к тому же и учениковъ своихъ видѣти, како пребываютъ. По семъ иде въ церковь преподобныхъ въ началѣ утрени и, приложився святымъ мощамъ ихъ, отступи нѣгдѣ во уголь и ста, внимая себѣ. По семъ воззрѣвъ старецъ къ ракамъ святыхъ, братьямъ во оно время приступающимъ и цѣлюющимъ святыхъ мощы. И се видить пустынный преподобныхъ отецъ Зосиму и Савватиа, присѣдящихъ ракамъ своимъ, иже овыхъ убо благословляху, от овыхъ же отвращахуся. Сие видѣвъ, ужасеся, послѣди же повѣда ученику своему и наказоваше, да по вся дни приходя къ мощамъ угодниковъ Божиихъ, цѣлуеть ихъ со страхомъ и благоговѣниемъ, моля, да сохранять от всякихъ искушений вражиихъ и да молятся о прощении согрѣшений.

л. 70 об. // Бывшу же нѣкогда единому от ученикъ у старца Феофана и, по доволной бесѣде вспять возвращающуся, иде и старецъ съ нимъ, хотя проводити его до скита. Грядущимъ же имъ, на половинѣ пути от Голгофы, чрезъ нѣкий мостъ и на прилучившуюся гору восходящимъ, внезапно услышася от десныя горы вънизу, аки бы о пѣнь нѣкто ударилъ трижды — и паки, мало помедливъ, удари трижды. То слышавъ пустынный и молитву сотворивъ, рече: «Кто есть благословенный о Господѣ?» Но не бысть отвѣта. И паки вопросы, но не услыша. И тако идоша в путь свой.

По нѣкоемъ же времени, паки пришедшу ученику тому, повѣда, глаголя: «Чадо, по ономъ времени, егда слышахомъ ударение въ подгории, минувшимъ двумъ днемъ, прииде ко мнѣ въ нощи единъ от пустынножителей и рече: “Что, отче, яко не принеслъ ми еси свѣщъ и ладону? Понеже азъ сего ради въ подгории ударяхъ”». Феофанъ же рече: «Азъ, господине отче, не вѣдѣхъ. Ты же что не реклъ ми еси?» Пустынножитель отвѣща: «Слышахъ азъ глаголюща тя съ нѣкиимъ, и сего ради не срѣтохъ тя на пути». И, ина нѣкая глаголавъ, невѣдомый оный пустынножитель отъиде.

л. 71 // Глаголаше иногда старецъ Феофанъ: «Есть // и въ нынѣшнее всякаго нерадѣнія исполненное время никому не вѣдомии пустынножители, истиннии иноцы и раби Христовы. Мы же противу ихъ въ сравнении есмы сѣнь и прахъ, и точию образъ иночества носимъ, дѣль же отнюдь иноческихъ не творимъ. И не вѣмы искуса монашескаго, а еже горше — яко не испытуемъ, ниже чтущихъ и глаголющихъ о семъ слушаемъ, но укоряемъ и осмѣваемъ ихъ, сего ради без успѣха есмы. Вина же сему есть зависть и неразумие. Тѣмъ же и Господь скры от насъ образы истинныхъ добродѣтелей дѣлателей, да не горше осудимся, не внимающе таковымъ, якоже Гиезий Елиссею или Иуда Христу».

Заповѣда же ученикомъ своимъ и прочимъ приходящимъ и сие, глаголя, еже, ходя въ лѣсу, не ясти ягодъ брусники, морошки и прочаго; или в вертоградѣ прилучится быти — такожде ходя не ясти. Но аще восхоцуть когда из сихъ что снѣсти, то, побравъ въ сосудъ, и яко человекъ, разумомъ почтенный, молитву сотворивъ, и съ благословениемъ позволяше ясти, а не якоже безсловесный скотъ ходя и без чину пищу употребляя. И приводяше Псаломника, глаголя: л. 71 об. «Человекъ, въ чести сый, и не разумъ: // приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ безсловеснымъ стремлениемъ».

Запрещаше такожде и власы въ косу заплетати или въ пучки связывати, глаголаше бо, яко: «Множецею азъ видѣхъ бѣсовъ, приходящихъ ко мнѣ съ заплете-

тенными косами и въ пучки связанными. От сего явѣ показуется, яко бѣсовское есть дѣло, еже косы плести и еже без мѣры краситися власами».²³

Старцу Феофану живушу под горою, нѣщии от братии и из богомолцовъ мнозии, любовию и вѣрою влекоми къ пустыннику молитвъ ради, моляху его рещи слово на ползу. Старець же по даннѣй ему благодати глаголаше имъ, наказуя, како блюстися бѣсовскихъ козней и пребывати въ воздержании, во смиреннии послушание проходить и данное Богу при пострижении обѣщание не забывать. Богомолцевъ же учаше трудитися без лѣности и не роптати, но въ церковь на славословие Божие въ избывшее время приходити.

А паче всего учаше чай не пити. Всякаго бо приходящаго къ себѣ увѣщаваше, моля и наказуя воздержатися: инымъ претяше, // о нѣккихъ же [да аще престануть чай пити] обѣщавашеся въ молитвахъ своихъ поминати. Чесо ради нѣщии из братии, убѣждени бывше увѣщаниемъ его, обѣщание даша не пити ктому — и не пияху во время жизни его. Ибо мнози, наставлениемъ его пользующеся, исправляху себе, нѣщии же, от завистника подстрекаеми, злословляху старца. л. 72

Непримиримый бо супостать и всезлобный иноческаго подвижническаго поприща врагъ, злоковарный Филузеръ [еже толкуется любитель езеръ, или водяный, или водныхъ силъ начальникъ, иже въ Житии преподобнаго Елеазара Анзерскаго упоминаемый], — той многожды приходяше къ пустыннику, прежде моля, таже злословя и прещаше, окаянный, грозя нѣккимъ далнымъ нѣкамо изгнаниемъ, аще не престанеть поучати иных. И налегаху на него зѣло, глаголаху бо ему нечистии бѣси: «Почто учиши иныхъ? Кое тебѣ до нихъ дѣло? Не тебѣ за нихъ отвѣчати! Ты единъ живеши, сего ради себѣ единому и внимай. Ты якоже хочещи живи, точию не учи — и не боремъ тебе. Аще же не престанешъ приходящихъ къ тебѣ поучати, то, пришедше, убиемъ тя».

// Бысть нѣкогда, пустыннику Феофану въ утреннѣе время правило свое исправляющу, наидоша бѣси въ грозномъ видѣ и глаголаху: «Се, якоже видѣти есть, не хочеть проклятый сей калугерь исправитися. Едино дѣло сие сотворимъ и почиемъ: придите, размещемъ келлию, а живущаго убиемъ!» И абие начаша разоряти келлию, сънизу стѣну, якоже видяшеся, прорубиша, окны избиша, а двери сокрушиша. И приемше длинныя крюки, тщахуся извлеци пустынника из келлии, мятежъ велий творяще и вопиюще: «Нынѣ не гонзнетъ от насъ: доспѣ, еже хотѣ!» л. 72 об.

Старець же, сия видѣвъ, усташися и поверже себе пред Богомъ, прося помощи и заступления. Бѣсове же много еще молвяще и кознодѣйствующе, всуе трудишася и, ничтоже успѣвше, исчезоша. А старецъ по доволной молитвѣ обратися видѣти бывшее — и видѣ келлию паки по-прежнему цѣлу и невредиму. А понеже слыша во время страхования онаго бѣса, въ кровь трубный велми ударяюща, но и послѣди слышаше нѣчто въ трубѣ двизающееся, вземъ святыи крестъ и, возшедь на келлию, положи его на трубѣ и // отъиде въ Анзерский скитъ на единъ день. Оттолѣ же возвращаяся съ нѣккимъ братомъ въ келлию свою, посла его съ трубы взяти святыи крестъ. Той егда взя, видѣ абие излѣтѣвша л. 73

²³ К этой фразе на нижнем поле л. 71 об. в сноске под чертой помещено примечание, выполненное той же рукой: «Извольяя да чтеть о семь запрещающее правило Шестаго Вселенскаго собора четыредесатое».

врана черна и исчезнувша. Послѣди же прииде бѣсъ, гнѣваяся на него, и рече: «Почто ты, злый калугере, толь долго муча, жегль мя еси? Устрою же и азъ тебѣ мучение!» И паки рече: «Подвигнемъ къ тебѣ самого начальника нашего — и тогда узримъ, что будетъ».

По возвращении своемъ старецъ от скита возлеже почити и видѣ видѣние во снѣ таковое: жену нѣкую, благолѣпиемъ сияющую, со иными нѣкими двѣма святолѣпными мужи къ себѣ пришедшую, иже не малодушествовати ему веляше и грозящихъ бѣсовъ стахованіями не боятися. То ей глаголющей, видѣ пустыникъ внезапно притекшихъ бѣсовъ, съ яростию «Приидите, убиемъ!» глаголющихъ. Но егда узрѣша свѣтозарную жену ону, абие содрогнушася и, отступивши вспять, возопиша, глаголюще: «О, горе намъ! Здѣ помогающая ему прииде! И аще бы не сия возбраняла всегда намъ, давно бы погубили злоязычнаго онаго калугера». То рыкнувше, исчезоша. Жена // же она благовидная, ино нѣчто утѣшительное изрекши ему, невидима бысть.

Такъ Пречистая Владычица наша, скорая помощница Пресвятая Богородица, всѣмъ въ напастѣхъ заступница, прииде, и посѣти, и укрѣпи, и заступи раба своего въ належашей брани. Ей же старецъ обычай имѣ по вся дни шесть лѣствицъ, или шесть сотъ поклоновъ сотворяти, на всякое поклонение «Богородице Дѣво, радуйся!» приглашая. Пять бо лѣствицъ Иисусу, а шестую — Богоматери съ приглашеніемъ «Богородице Дѣво, радуйся!» творяше.

Иногда же паки прииде диаволь и рече: «Не потерплю тебѣ уже болѣе, но пришлю по тебе шестерыхъ, и, поемше, отведутъ тя, аможе азъ вѣмъ». Старецъ же рече: «Твори, еже хощеша и аще что можеша, пронырливый псе! И азъ, еже мнѣ повелѣно,²⁴ то и творю».

Ученикомъ же иногда на благословение к нему приходящимъ, въ бесѣде, аки бы недоумѣваяся, глаголаше: «Что сотворю, яко не попускають ми проклятіи бѣси здѣ жити? Запрещаютъ учити инѣхъ, и велми нападаютъ на мя, и угрожаютъ ми нѣкимъ изгнаниемъ. Азъ же како не реку // словесе спасительнаго приходящимъ ко мнѣ, окаянному? Самъ Господь глаголетъ: “Грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ”. И скрывшаго талантъ лють мучить. И иереа онаго, егоже проси братъ рещи слово въ недоумении, и не рече, — сего ради и не услышанъ бысть въ призывании Святаго Духа. И како избуду приходящихъ ко мнѣ и пресѣцающихъ безмолвие мое? И что имамъ сотворити, не вѣмъ». По семъ паки, благодушствуя, глаголаше: «Обаче не буду противникъ Господу моему, послушникъ же завистнымъ бѣсомъ. Не послушаю ихъ лщения, ниже убоюся прещения, да творять, еже хотять, якоже имъ свойственно мрачноу прелестию въ пагубу сводити. Сиче должни есмы, елико возможно, о Господе, козни ихъ открывая и сѣти, имиже ловять, обличая, елика сила, от тмы страстей на свѣтъ добродѣтелей богоугождения приходящихъ къ намъ возводити».

Ученикомъ же своимъ, ихъже от пострижения восприя, со слезами поучая, глаголаше: «Чада моя возлюбленная о Господѣ! Аще изыдете из мира ради спасения души вашей и аще изыдете на взыскание вѣчныхъ благъ, молю васъ: возлюбите Господа // от всея души, от всея крѣпости и от всего сердца вашего! Служите Ему со страхомъ и любовію, исполняйте Божественныя Его заповѣди: умертвите тѣлеса ваша воздержаниемъ и трудами, плотоугодия не творите въ

²⁴ В слове слог -ве- написан над строкой.

похотѣхъ. Прославите Господа во удѣсахъ вашихъ на земли. Обѣты, при пострижении Господеви данныя, потщитесь усердно соблюсти, мирскихъ же пристрастий отбѣгайте. Сласти тѣлесныя отсѣкайте, не чреву, но Богу работающе, чреву же точию потребная дающе. И блюдитесь ласканий его, яко льва безчинна: елико бо угождаеши ему, толико свирѣпѣеть, — елико же алчно бываетъ, толико смиряется. Да будетъ же изшествие ваше от мира ради сладчайшаго Иисуса, а не ради сладостей или хлѣбна куса. По смерть вашу, якоже ми общаетесь, заповѣдую вамъ не пити чаю.

Возлюбите единого Бога — и вси возлюбятъ васъ. Почтите братию — и всѣми почтении будете. Смирите себе грѣшнѣйшими быти паче всѣхъ, да Господь от страстей вознесетъ васъ. Гордость от себе изжените — Господь бо гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

// И паки молю вы, чада моя: егда совершаете молитвы своя, внемлите себѣ, да молитва ваша, еуже умилоствивляете о преступленьяхъ вашихъ Человѣколюбца Бога, да не будетъ вамъ въ грѣхъ. Вѣдите, да не како, мняще молитися, далече от молитвы будете и потрудитесь без приобретения: устнами бо псалмы поя, умомъ же индѣ бродя, всеу мятется. Тѣмже совершайте ю во страсть Божии, по Псаломнику: “Работайте Господеви со страхомъ и радуйтесь Ему со трепетомъ”. Молитва бо есть бесѣда мысли къ Богу. Сего ради совершайте словеса молитвенная съ совершеннымъ ума къ Богу взираниемъ. Мысли бо, часто глаголющей имя Господне, и уму, ясно внимающую призыванию Божественнаго имени, разумѣннѣя Божия свѣтъ, аки облакъ свѣтеть, всю осѣняетъ душу. Послѣдуетъ же прилѣжнѣй молитвѣ любви Божия, сокрушение сердца, слезы, радость, миръ помысловъ. Уму бо и мысли, предстоящимъ Богови взираниемъ и горячимъ молениемъ, послѣдуетъ и душевное умиление, уму и слову и духу, припадающимъ Богови, — уму бо вниманиемъ, слову же призываниемъ, духу же — умилениемъ // и любовию. И сие всемъ внутреннимъ челоуѣкомъ да служите Господеви. Возлюбиши бо, — глаголетъ Господь, — Господа твоего от всего сердца твоего.

Егда же собираетесь купно съ братиею въ церковь Божию, якоже тѣломъ предстоите и языкомъ псалмопѣние совершаете, тогда имѣйте умъ, внимающий словесемъ, яже глаголете, и Богови: вѣдуше, кому бесѣдуете и молитесь.

В келлии же, наединѣ сѣдяще, праздны отнюдь не будите: праздность вредитъ и тщаливыхъ — кольми²⁵ паче васъ, юныхъ сущихъ. Ибо юный, праздно въ келлии сѣдя, не избѣжитъ лѣности и расслабления. К тому же влагаютъ бѣси множество помысловъ непотребныхъ, и не можетъ бѣдный праздносѣдящий противитися имъ, но побѣжденъ падаетъ, исполняя волю врага своего. Глаголють бо святии отцы, яко праздно въ келлии сѣдящий со тмою бѣсовъ борется — и одолѣваемъ бываетъ присно. Пребывая же въ послушании и рукодѣлии и въ трудѣхъ упражняйся съ единымъ бѣсомъ борется — и удобо одолѣваетъ его.

Сие видимъ и на ономъ великомъ отшелникѣ, иже пребываше со ученикомъ своимъ, о немъже // бѣси глаголаху, яко: «Ко старцу не можемъ приблизитися, ученика же никогда обрѣтаемъ праздна, понеже созидаетъ и разоряетъ, и сего ради не можемъ искусити его». Ибо старца великихъ ради подвиговъ благодать Божия соблюдалаше, ученикъ же пребываше, созидая стѣну из камене и

²⁵ Слово правлено: -ль- вписано позднее над строкой простым карандашом.

разоряй, и паки созидаше, избѣгая праздности. И сие трудяся, избѣгаше бѣсовскаго искушения.

Вы же, чада моя, егда сѣдите въ келлии, присно имѣйте молитву, трезвитесь умомъ, держите слово оно: “Предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть”. И: “Очи мои выну ко Господу, яко Той изсторгнетъ отъ сѣтей бѣсовскихъ нозѣ мои”. И аще пребудете, держащеся богозрения, то видѣние оно осѣнить вы трезвѣниемъ, и разумъ въ васъ вселится молитвою.

Азь [глаголаше старецъ] благодарю Человѣколюбца Создателя моего, безъ понуждения умомъ творю молитву Иисусову. И аще ямъ, аще дѣлаю что, или хожу, или сплю, всегда имамъ внутри себе оную совершающуюся. Тѣмже и вы подвигайтесь въ юности своей вселити сладчайшаго Иисуса въ сердца ваша, да *л. 76 об.* возвеселитесь, стяжавше Утѣшителя нынѣ, и // возрадуетесь напоследокъ, аще достигнете въ старости своей. И аще слушаете мене, отца вашего, то узрите свѣтъ Божественный, иже наставитъ васъ на всякое богоугождение.

И паки глаголю вамъ: аще заповѣди моя сохраните и увѣщания моего послушаете, то идѣже мнѣ, недостойному, мѣсто уготовано есть, тамо и вы неразлучни со мною будете. Аще ли же преслушаете убогая моя словеса, то азь неповиненъ есмь, вся бо рекохъ вамъ».

1818 года месяца ноембрия, въ нѣкое время стоящу пустыннику Феофану на молитвѣ, приидоша злобнии дуси во многой толпѣ и, Божиимъ попущениемъ, на большее искушение рабу Божию, да, многая претерпѣвъ бѣсовская томления, большее въ будущемъ вѣцѣ приметъ воздаяние. Тии, глаголю, нечистии бѣсове, взошедше въ келлию, яростию дышуще, абие начаша мучити пустытника. Онъ же, видѣвъ таковое ихъ стремление, паде на землю предъ Богомъ, умъ имѣя весь простертъ горѣ, прося свыше помощи, устнами глаголя молитву «Отче нашъ» *л. 77* и прочия. Бѣси же, молитву препинающе и // словеса его повторяюще, мучаху различно: овии бияху жезлиемъ, овии же руками щипаху, инии ногами велми попирающе, хребетъ ему сокрушаху. Пустытникъ же мняше, яко уже хотятъ до смерти убити, простираше руки своя, хотя яти ихъ, но не можаше, понеже яко дымъ густой въ руцѣ обрѣташеся. По семъ проклятии пси исторгоша власы главы и брады его и послѣдняя, еже имѣ, зубы избиша. Горящей же в то время печи, взявше лютии бѣси огненную главню, опалиша все тѣло его. Тако умучивше его и еле жива суца оставше, отидоша.

Страдалецъ же Христовъ Феофанъ, весь избиевъ и опаленъ сый, пребысть лежа на томъ мѣстѣ три дни аки мертвъ, не могый нимало двинутися. И едва не издше от мраза и глада, не могый востати и печь возжещи, еже бы согрѣтися, зимъ сушей и мразу належашу. От сего времени пребысть прочее во всю зиму или, паче рещи, даже до кончины своя, присно боля и недугуя. А паче въначалѣ, съ великою болѣзнию понуждая себе, печь возжизаше и правило исправляше. От приходящихъ // же къ нему странна вещь видящеся: старецъ сый престарѣлый, безъ брады и безъ волосъ, сокрушенъ имый хребетъ, тѣло же избито, и со стенаниемъ едва могый двинутися. В такомъ, якоже речеся, недузѣхъ *л. 77 об.* проводи прочее время даже до смерти.

Повѣда же пустытникъ послѣди и сие, яко подобно сему таковое лютое бѣсовское нападение и мучение бысть ему еще на берегу дважды.

Въ нѣкое время явился старцу Феофану нѣкий святолѣпный мужъ, иже пришествиемъ своимъ всю келлию просвѣти, — бѣ же то преподобный Иисусъ Гол-

гофский — и рече: «Радуйся, радуйся, брате! Еще мало претерпи — и почиши, скоро бо настойть ти скончание тѣлесе». Сицевымъ явлениемъ утѣшися блаженный и пребысть прочее, подвизаяся и готовяся ко исходу.

Еще же глаголаше нѣкако гадателно: «Видѣхъ, — рече, — во снѣ видѣние, назнаменующее о Святѣй Пасцѣ смерть мнѣ. Обаче азъ сему вѣры не иму, подобаетъ бо мнѣ и лѣта дождаться».

Въ нѣкое время, старцу Феофану печалию одержиму бывшу [размышляя бо блаженный // высоту аггелскаго жителства и ужасное приключение, бываемое л. 78
обычно во время смерти: горькое истязание, от злобныхъ духовъ бываемое на мытарствахъ, неизвѣстное от Страшнаго Судии изречение, камо опредѣление изыдетъ — въ радостное ли и блаженное ликостояние и веселие праведныхъ, или въ горестная томления ко иже во Адѣ держимымъ грѣшникомъ. Къ сему же суету мира сего помышляше, прелестное и удобъ поползновенное житие, и обдержаше забвение, и о еже по сихъ быти имущихъ. Между симъ нѣкиихъ видя, въ лѣности и небрежении пребывающихъ, по своей воли ходящихъ и сласти своя исполняющихъ, чай, егоже онъ ненавидяше, пиющихъ. А паче о онѣй братии, иже къ нему вѣру и усердие имѣяху и, приходяще пользы ради, наставляхуса от него. Такожде и о ученикахъ своихъ, о нихъже помышляше истязанъ быти], скорбяше: како пребываютъ и спасаются. И како бы, подвизавшеся, возмогли избѣжати прелестей мира сего, и яко да не оболщенни и поругани будутъ от врага. И како бы, въ богоугождении поживше, спаслися.

О сихъ, якоже речеся, печалию одержиму бывшу и плачущу, // явишася ему л. 78 об.
два свѣтоноснии мужи и рекоша: «Миръ тебѣ о Господѣ, возлюбленный брате нашъ! Что же печалуеши, помышляя о братии, сущей во обители: время зло и нерадѣння исполненно настойть, прелестей и преступлення исполнено. Прочее, спасая да спасетъ свою душу. Дѣла бо всякаго явлена будутъ, и нынѣ комуждо ходять вслѣдъ его, обаче чувствами чувства своя притупиша, и ни во что же прочее быша».

О ученицѣхъ же рѣша, яко ничтоже еще есть въ нихъ подвижническое, но суть якоже и прочии. Тогда старецъ заповѣда ученикомъ своимъ, живущымъ во обители, постную пищу ясти, млека же и рыбы и ниже постнаго масла отнюдь не вкушати. И пребыша тако до смерти старца своего. Пред скончаниемъ же, по прошению нѣкиихъ из братии, разрѣши имъ сию заповѣдь.

Старцы же онии, иная нѣкая рѣша Феофану, невидими быша. Бяху же сии святолпнии мужи [якоже послѣди повѣда старецъ] суть преподобнии отцы Антоний и Феодосий из-под Фаворъ, иже любве ради Божия и ради спасения души своя изыдоша изъ мира и // подвизашася²⁶ на Муксалмскомъ островѣ л. 79
под горою, Фаворъ именуемую, въ пустыни сокровенно Богу работающе, якоже они сами старцу повѣдаша. О нихъ же никтоже вѣдяше, токмо единъ Богъ, к Немуже уже прежде многихъ лѣтъ преставишася.

Препроводившу старцу Феофану зиму ону въ великомъ, якоже речеся, недузѣ, и, лѣту наставшу, болѣзнь умножашеся. И ктому не возможе быти единъ, чесо ради взять бысть из пустыни въ Соловецкий монастырь и при хлѣбнѣ въ чуланѣ оставленъ, идѣже помалѣ огневицею об'ять бысть, не можаше и пищи вкушати, всякое бо ястие горко ему обрѣташеся.

²⁶ *Перед этим словом в начале первой строки на л. 79 зачеркнуто три полузатертых слова.*

При хлѣбнѣ тогда монахъ нѣкий трудолюбивый находящийся, именемъ Аввакумъ, служаще старцу въ болѣзни оной. Той Аввакумъ единою иде на братскую поварню взяти пищи ради болнаго. Въ то время прииде тамо и келарь именемъ Сергей, болныхъ ненавидаше, и вопросы Аввакума, кому пищу вземлетъ. Оному же рекшу, яко ради болнаго старца Феофана. То слышавъ Сергей, нача велми // злословити болнаго, нарицая его лицемѣра, пустосвята, расколника и братския пищи недостойна: «И почто долго не издыхаетъ?» И иными непотребными словами порицаше пустытника.

Тогда пришедый за пищу, мало что рекши, возвратися къ болному, нося пищу, и предложивъ, моляше его, да вкусить елико можетъ. Болный же аки бы нѣчто усумнѣся и, посмотрѣвъ на принесенное, рече: «Неможно мнѣ сея пищи ясти». Аввакумъ же вопросы: «Почто, отче?» Рече старецъ: «Егда ты просилъ пищи, что тебѣ рекоша?» Онъ же отвѣща: «Ничесоже, съ любовью благословиша». Рече болный: «Ни. Нѣсть здѣ благословения, но клятва. Суть нѣщцы ропташа на мя». Аввакумъ же крѣпляшеся, глаголя: «Ей, отче, никто». Бояшеся бо повѣдати, да не оскорбитъ болнаго.

Тогда рече старецъ Феофанъ: «Всякая лжа от диавола есть. Тѣмже много погрѣшаете вы неразумиемъ своимъ, мняще ничтоже быти, еже клятвенная словеса износити». И приложи рещи: «Не повѣдаешь ты мнѣ, не хотя меня оскорбить, — то я реку тебѣ: былъ тутъ келарь // Сергей. Когда ты на вопросъ отвѣчалъ ему, что вземлешь пищу для меня, онъ нача, ропщуци на меня, глаголати тебѣ: Почто ему носишь? Скорѣ бы онъ околевалъ! И яко болный — пищи не требуетъ».

И прочая глаголанная словеса изрече Аввакуму пустытникъ. Таже паки приложи, покивая главою, рещи: «О, Сергей, бедный Сергей! Почто трудъ свой вотще погубляешь въ послушании?» Возревъ же на Аввакума, рече: «Того ради пищи сея не могу ясти, ибо есть проклята». Оному же просившу благословение самому ясти пищу, старецъ не даде, но повелѣ птицамъ повергнути. Себѣ же изспроси тыя пищи, юже прежде сего принесе себе ради. И, видѣвъ ю, рече: «Сию пищу мощно ясти, сея есть очищена. Сию пищу самъ Господь благословилъ есть». И яде ю, но зѣло мало, елико можаше, ибо от лютыя болѣзни, якоже речеса, всякая пища ему горька обрѣташеся. Аввакумъ же, сие видѣвъ, дивляшеся въ себѣ, како онъ въдали сущее аки близъ бывшее вѣдаше. //

Томужде монаху Аввакуму единою прииде скорбь, яко много хлѣба напече, дожидаяся приѣзду богомолцовъ, и той начинаше гнити. Сие провидѣвъ старецъ Феофанъ, и, призвавъ Аввакума, вопрошаше, чесо ради скорбитъ. Оному же отрицающуся не имѣти скорби, тогда повѣда ему старецъ вину скорби и предрече скорое разобраніе хлѣбовъ, еже и сбытсѣя. Наутрие бо начаша приѣзжати богомолцы, и едва на два дни доста хлѣбовъ.

Понеже начахомъ повѣдати о прозрѣнии, еже имѣяше старецъ Феофанъ, речемъ и сие. Живущу ему на Анзерскомъ еще островѣ под Голгофою, — есть на томъ же островѣ тоня рыболовная, Кириллова именуемая, на нейже монахъ Варнава именемъ живый на послушании, рыбу ловяше, якоже обычай есть сущымъ въ Поморіи, съ двумя помощниками семгу смотрѣти. Сей Варнава имѣяше любовь и усердіе ко старцу Феофану. Случися ему нѣкогда по вечеру съ помощниками малодушествовати о квасѣ и пороптати, яко закиснуль и всплѣснѣль. Варнава, якоже и прежде, воутрии иде посѣтити пустытника.

И, бывшей бесѣдѣ, нача старецъ наказовати брата, обличая малодушие его, // яко не добръ храняща совѣсть къ вещамъ, и яко малыя ради вещи, окиснувшаго кваса, прешедшаго вечера толико смутишася и ропташа, забывше предложение, егоже ради въ монастырь приидоша. Сия слышавъ Варнава, дивляшеся, како еже они, едини бывше, прешедшаго вечера глаголаша — сия старецъ, сѣдя въ келлии своей, вѣдаетъ. л. 81

Глаголаху же и ина многа подобна сему проречения, яже долготы ради времени оставляемъ. Мы же паки возвратимся на предлежащую повѣсть.

Лежаше старецъ Феофанъ въ хлѣбennomъ чуланѣ, зѣло болѣнь, обаче не можаше укрытися отъ приходящихъ пользы ради и творящихъ вопрошения различная, чесо ради скорбяше, видя пресѣцаемо безмолвие.

Посту же святыхъ апостолъ преходящу, болному конечнѣ огневицею истаевающу, пренесень бысть изъ хлѣбной в келлию единаго ученика своего, именемъ Антониа, в то время послушание въ просфорнѣ творяща, — имѣяше бо блаженный Феофанъ, якоже выше речеса, двухъ учениковъ, отъ пострижения восприятыхъ, во оное время иеродиаконами бывшихъ, Паисиа // и сего Антониа, — идѣже три дни прележа и, видѣвъ себе къ скончанию приближающася, испроси божественныхъ Тайнъ, и приобщень бысть Пречистаго Тѣла и Крове Господа нашего Иисуса Христа. л. 81 об.

Таже рече ученику своему Антонию: «Чадо, се приходитъ часъ моего скончания. Часъ, паче всѣхъ дней жизни моя тяжчайший! Время, в неже сокровенная откроются и все, еже въ жизни сей чтуще, слышахомъ, нынѣ вся мнѣ предстанутъ. Болезнь паче всѣхъ болѣзней. Время, ужаса и страха исполнено. Часъ, егоже и праведнии трепетаху. Тебѣ же [глагола ученику] даю послѣднюю сию заповѣдь. Ты же послушай мя, отца твоего, и неотложно соблюди ю: егда грѣшная моя душа изыдетъ отъ окаяннаго моего тѣлесе, ты, вземъ за нозѣ, извлеки е на брегъ морской и, привязавъ къ прилучившимся древцамъ гнусное и смрадное мое, глаголю, тѣло, от земли же отринувъ, вдаи волнамъ, глаголя Богу: “Господи! Милостивъ буди грѣшной душѣ убогаго монаха Феофана!”

Внемли же, да не сподобится смрадный трупъ сей обычнаго погребения, да не осквернится мѣсто сие святое вложениемъ въ нѣдра земная гнусностию сею. И негли сего ради сотворить Господь милость // многогрѣшной души л. 82 моей въ тяжкий часъ сей». И паки повторяя, глаголаше: «Сотвори, сотвори, еже заповѣдая глаголю ти!» Оному же обѣщавшуся исполнити, умолча. [И сотворилъ бы то ученикъ, аще не бы вскорѣ по преставлении тѣло его опрятанное въ церковь изнесено было.]

По семь нача озиратися, аки бы нѣкихъ страшася. Таже повелѣ ученику своему покадити келлию и сѣни роснымъ ладономъ. Оному же кадящу, нача самъ скончаватися. И пребывъ труждася яко часъ единъ, преиде отъ многоболѣзненнаго жизни сея и отъ многоболѣзненнаго тѣла своего на вѣчный покой старецъ, исполнь дней, имѣя осмдесятъ лѣтъ отъ рождения, месяца иуния въ 26 день, въ три часа пополудни, 1819 года.

И погребень бысть внутри обители Соловецкия, близъ часовни отъ восточной страны преподобнаго Германа. Богу нашему слава во вѣки. Аминь.